НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Издательство «Знание»

Педагогический

ФАКУЛЬТЕТ

И. Я. Кошелева

Юность Бессоновки

1987/7

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Все мы знаем: первый воспитатель растущего человека — жизнь. И все-таки часто уповаем на одни слова и назидания, на разговоры о том, что такое хорошо и что такое плохо. А не лучше ли часть родительских усилий направить на изменение социальных условий в сфере ближайшего окружения ребенка? Попытаться что-то изменить к лучшему в качестве самой его жизни? Книга расскажет об интересном опыте воспитания сельской молодежи в колхозе имени Фрунзе Белгородской области.

-
- Введение
- ПЕРВЫЙ ДЕНЬ (А ТОЧНЕЕ — ВЕЧЕР)
- Дорога на Добрую Волю
- Подразделение «школа»
- Концерт
- ВТОРОЙ ДЕНЬ
- «На этажах» и «на земле»
- «Смотрите детский сад!»
- Где растет редиска
- ТРЕТИЙ ДЕНЬ
- Право, данное трудом
- Урок как урок
- «Если ты отец»
- Совет по коммунистическому воспитанию действует
- ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ
- Класс на ферме
- Наставники
- Слова, написанные и высказанные
- ПЯТЫЙ ДЕНЬ
- «Рубашка» на вырост
- Короткая продленка
- ШЕСТОЙ ДЕНЬ
- Без «комплексов»
- «Что-то красивое...»
- Вечер у Чурсиных
- СЕДЬМОЙ ДЕНЬ
- Люда Шинкарева ставит вопрос
- Немного о том, кто на вопрос отвечает
- Ступени творчества
- ВОСЬМОЙ ДЕНЬ

- Главное — то, что в душе
- Отдача (вместо заключения)
-
-

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Педагогический факультет

Издается ежемесячно с 1964 г. 1987/7

И. Я. Кошелева
Юность Бессоновки

Москва 1987

ББК 74.90
К76

Автор: КОШЕЛЕВА Инна Яковлевна — журналист, автор статей и книг по проблемам воспитания.

Рецензент: Щербаненко Э. М. — главный редактор журнала «Профессионально-техническое образование».

Редактор: *Свердлова О. Г.*

Кошелева И. Я.

К76 Юность Бессоновки (Село и школа). — М.: Знание, 1987. — 96 с. — (Нар. ун-т. Пед. фак.; № 7).

15 к.

Все мы знаем: первый воспитатель растущего человека — жизнь. И все-таки часто уповаем на одни слова и назидания, на разговоры о том, что такое хорошо и что такое плохо. А не лучше ли часть родительских усилий направить на изменение социальных условий в сфере ближайшего окружения ребенка? Попытаться что-то изменить к лучшему в качестве самой его жизни? Книга расскажет об интересном опыте воспитания сельской молодежи в колхозе имени Фрунзе Белгородской области.

4311000000
ББК 74.90

© Издательство «Знание», 1987 г.

Введение

Это не дневник.

Просто блокнот хранит вехи, по которым можно и сегодня пройти то время. В хронологическом порядке, день за днем.

Что заставило вновь вернуться к неделе, проведенной в Бессоновке? Все, кажется, все тревожит: исследуя по горячим следам, для газетной статьи, конкретный опыт профессиональной ориентации сельских ребят, нечетко прописала более общую — простую, но важную для всех нас тему. В тексте «Основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной школы» она сформулирована так: «На современном этапе интересы быстрого и гармоничного развития экономики и культуры, совершенствования социальных отношений и политической надстройки, самого человека как главной производительной силы и высшей ценности общества требуют нового, более широкого подхода к обучению и воспитанию подрастающих поколений».

«Новый, более широкий подход»...

Именно в Бессоновке убеждаешься, что подход этот вызревает в недрах жизни, складывается естественно там, где социальная активность личности востребована экономикой, организацией производства, отношениями, которые в этом производстве складываются. Действительность на сей раз «совпала» с идеями школьной реформы, легко впитала саму ее суть. Это оказалось таким близким, таким необходимым: вывести детство из школьных стен, из замкнутости узкосемейных интересов на стремнину общесоциальных — гражданских, трудовых, культурных — процессов.

Сразу сделаем оговорку. Нельзя считать ситуацию, сложившуюся в колхозе имени Фрунзе, распространенной и типичной. Она явно опередила события (в самом лучшем смысле этого выражения). Тот случай, когда коллектив сумел предвосхитить многие экономические и социальные перемены, встал на рельсы нынешнего развития раньше других.

«Бригадный метод», «хозрасчет» — эти понятия познавались фрунзенцами на практике уже десятилетия назад. И бурное развитие экономики, как и положено, повлекло за собой значительные культурные, социальные сдвиги. Так что перед нами хорошая, а главное, уже работающая, проверенная модель коллективного бытия, социального воздействия трудового коллектива на растущего человека.

Однако это не значит, что жизнь здесь беспроблемна и

бесконфликтна, что воспитание новых поколений идет без противоречий. Проблемы есть. Возможно, они иного, не нынешнего для многих из нас уровня. Тем интереснее: они могут настичь нас завтра, и неплохо быть к этому готовым.

Все мы знаем и часто повторяем: первый воспитатель растущего человека — жизнь. И все-таки больше уповаем на слова и назидания, на разговоры с детьми о том, что такое хорошо и что такое плохо.

А не лучше ли часть родительских усилий направить на изменение социальных условий в сфере ближайшего окружения ребенка? Попытаться что-то изменить к лучшему в качестве самой его жизни?

В колхозе имени Фрунзе Белгородской области папы и мамы пошли по этому пути.

Прекрасный детский сад... Отличная школа, где ребята проводят весь день: учатся, отдыхают, музицируют, танцуют, тренируются в спортзале... Условия быта, приближенные к городским... Содержательный досуг... Механизированный труд... Все это создано колхозниками для себя и для грядущих поколений, уже имеет и воспитательную отдачу.

И, что не менее важно, родителями же созданы и коллективные духовные ценности, противостоящие ложнопрестижным, потребительским. Смело можно вести речь о том общественном мнении, которое ориентирует ребят жить и работать самоотверженно на родной земле.

В Бессоновке поражает то, как много в этом направлении можно сделать, если считать воспитание молодежи общим делом. Как ускоряет это и гармонизирует социализацию растущего человека, как облегчает его вхождение во взрослую жизнь! Воспитатели по должности (педагоги) и воспитатели по долгу (председатель колхоза, главные специалисты, доярки, свинарки, полеводы) — словом, все родители сумели объединиться в своих усилиях. Родительскому началу придан новый — поистине социальный размах.

Это не дневник... «Кусок жизни» в ее движении, в развитии. Я попыталась пройти те дни еще раз, чтобы вглядеться внимательнее и по мере возможности показать читателю.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ (А ТОЧНЕЕ — ВЕЧЕР)

Дорога на Добрую Волю

В колхозе имени Фрунзе в свое время я бывала не раз. Когда работала в районной газете «Знамя», добиралась до него чаще всего на попутных.

Как выяснила у водителя, колхоз в последние годы разросся, вобрал в себя несколько соседних хозяйств и протянул одно свое крыло к областному центру.

— Хороший хозяин без дорог не живет. Проложили большак с твердым покрытием до Доброй Воли, — объяснил шофер. И это значило, что путь до Бессоновки сократился заметно, почти вдвое. — Пятнадцать — двадцать минут, и будем на месте.

Дорога в село... Дорога из села... Это не просто дорога — и все...

Совсем не случайно, выступая на XXVII съезде КПСС, его делегат, председатель колхоза имени Фрунзе Василий Яковлевич Горин не забыл упомянуть, что хозяйство в последние годы построило 60 километров дорог (в том числе, значит, и эту, на Добрую Волю).

Дорога — артерия жизни, движения.

Если вести речь о трудностях деревенской жизни — физических, психологических, самых разных, — то самая большая в глазах современного молодого человека — это замкнутость, глухость. Каждый день видеть одни и те же лица... Да еще в ту пору юности, когда жажда новизны и разнообразия особенно остра, а тяга к широкому общению непреодолима.

И вот твердая, ни в метель, ни в распутицу не отказывающая дорога. По ней «в область» быстренько доберешься в театр или на совещание. По ней в Бессоновку едет со всего района (а то и со всего «куста» или со всей области) молодежь на соревнование пахарей или соседи-комсомольцы спешат на праздник русской зимы. Из дальних краев приезжают экскурсанты перенять опыт, а то и просто туристы.

В разговоре со школьниками и их родителями часто будет мелькать слово «дорога».

— Ну, раньше понятно, уезжали парни и девки, — скажет мне доярка лет сорока, рассуждая о судьбе своей дочери-выпускницы. — А теперь — зачем? Наше село теперь, считай, пуп земли. Толчея, весело, замуж выйти легко. Выбирай: свои не нравятся, чужой подвернется.

Может, кому-то и не придется пользоваться этой дорогой так уж часто. Сельский быт надолго крестьянина не отпускает. Но важно знать: если надо, если очень захочется, меньше часа — и

ты в областном центре. Другие люди, другая жизнь...

Словом, дорога стала весомым аргументом в пользу родного колхоза. Одним среди многих, но очень весомым.

...А шофер между тем продолжал:

— Давно не были в наших местах? Ну, тогда не узнаете...

Так оно и случилось.

От Бессоновки пятнадцатилетней давно остались лишь четырехэтажные дома, которые когда-то были сенсацией, казались пределом сельских мечтаний. Теперь они выглядели физически и морально устаревшими рядом с аккуратным строем одноэтажных и двухэтажных коттеджей. Может, потому, что я уже знала: эти новые симпатичные домики «на земле» тоже имеют удобства вполне городские — вода холодная и горячая, ванна, туалет.

А вот и центр Бессоновки. Детский сад... Универмаг... Школа... Правление...

— А там что за контур, причудливо-лирообразный? Что строится?

— Это будущий молодежный центр. Кафе с музыкой — чтобы отдыхали, знакомились, играли свадьбы.

...Была вершина зимы на редкость снежной и солнечной. Бессоновские холмы переходили один в другой, глаз не оторвать от плавных, размашистых линий.

Дорожка к колхозной гостинице протоптана в глубоких сугробах, усыпана опавшей рябиной. Горят в последних лучах низкого январского солнца рубиновые ягоды. Тишина-то какая! И воздух — много чистого, вкусного зимнего воздуха! Как хорошо!

Это уже после подумаю, что сельская природа — тоже могучий «педагогический» фактор (особенно если действует вкупе с другими, социальными). А тогда я просто наслаждалась зимой — забытой, настоящей, полноценной.

Если на меня это действовало так сильно и притягательно, то как же на тех, кто впитывает эту — именно эту — красоту с детства, с первого взгляда на белый свет? А ведь этот пейзаж видели и отцы их и матери, и деды, и прадеды. В памяти души, в генах живет Бессоновка для них. Миллионы незримых, но крепких нитей...

Через неделю, перед отъездом из колхоза имени Фрунзе придется мне беседовать с выпускниками школы — ребятами, отслужившими в армии и вернувшимися на родину. Кто-то с нежностью вспомнит Прибалтику, кто-то тепло — Забайкалье. Но вот один признался, что во сне видел яблони в цвету. «Свои яблоньки». А другого навязчиво преследовал запах оттаявшего, вязкого чернозема. «Раньше от родителей слышали, что нет

красивее наших мест, а теперь убедились сами».

Думаю, с ростом экологического сознания притягательная сила сельской природы будет увеличиваться и увеличиваться. Уже сегодня в Бессоновку приходят тысячи писем от горожан, желающих жить «на земле».

А коли ты сам что-то добавил к красе родного края — считай, что еще сильнее к нему привязался. Говорят, что в Бессоновке нет дома, рядом с которым не разбит цветник, не зеленеет палисадник. Сам председатель во дворе своего дома выращивает диковинные для здешних мест ореховые деревья.

А самые яркие клумбы разбиты детскими руками возле детского сада, возле школы, возле Дворца культуры.

Подразделение «школа»

Председатель колхоза дважды Герой Социалистического Труда Василий Яковлевич Горин уже и тогда, в годы моей журналистской юности, вызывал у меня особое уважение. Неуемная энергия, масштабность мышления, резко очерченная позиция, которую не боялся проявить ни на одном из районных или областных совещаний, на разных уровнях и по разному поводу. А сейчас... Плоды его труда у меня перед глазами — вот она, новая, разросшаяся Бессоновка. Все здесь связано со знаменитым председателем. И сразу понятно, что сотни тружеников живут лучше, чем жили, благодаря его усилиям и таланту.

А принимал он наследство от своих предшественников худое, разоренное.

...В Бессоновку я попала в радостное для всех колхозников, всех сельчан время. Переживалось огромной важности событие: колхоз выполнил пятилетку в четыре года — и это по всем показателям! Уже донеслась еще одна весть: председатель награжден второй звездой Героя Социалистического Труда.

Чего ждали собравшиеся в тот вечер во Дворце культуры? Ждали: хоть на сей раз прозвучат в рассказе председателя о проделанной правлением в прошедшем году работе довольные, «победные» нотки.

Ан нет! По тональности доклад, как мне сказали люди знающие, напоминал все предыдущие.

— Товарищ Колесник! Считаете, что ваше прославленное звено работало хорошо? Что ж, по 29 центнеров зерна с гектара в жестокую засуху — это, пожалуй, прилично. Но ведь школьная бригада дала по 37! Сколько не досыпали в закрома наши передовики, а?

И если бы я уже не знала, что на счету колхоза в отчетном году прибавилось шесть с лишним миллионов рублей (чистая прибыль больше, чем у иного района области), то наверняка подумала бы, что дела здесь идут совсем плохо.

Но дела шли отлично! Просто Горин оставался Гориным и, как всегда на трибуне, считал секунды, граммы, копейки. И как всегда, за этими «копеечными» подсчетами ощущалось что-то очень важное и большое. То, что не было произнесено, но подразумевалось.

«Вот мы все делаем одно общее дело. Вот как оно выглядит в целом, а вот как — в деталях. Давайте подумаем, как делать его еще лучше, как поднять наше общее существование еще на одну

ступеньку. А через это — сделать богаче, удобнее жизнь каждого из нас, единственную и неповторимую жизнь».

Нет, конечно же, Василий Яковлевич не говорил этих слов. Он делал доклад о хозяйственной деятельности колхоза, его правления. Но дух коллективной трудовой и житейской объединенности был столь явствен, что и не нужно было проговаривать то, что без слов понималось каждым. Колхоз... Огромная семья, живущая общими интересами. Много лет шли к этому здесь люди, и теперь это проявлялось во всем. Кстати, и в структуре доклада — тоже.

Получила оценку работа основных подразделений, и так естественно, без всяких оговорок, перечислительно, «через запятую» прозвучало у Горина: «Подразделение «школа».

Все — как о других, с цифрами и фактами. Все они остались в моем блокноте.

Одиннадцать лет существует школьная бригада.

Звено полеводов имеет в своем распоряжении 145 гектаров земли, работает с десятипольным оборотом. На ста гектарах выращен самый высокий в колхозе урожай, собрано 3720 тонн зерна. На 15 гектарах собрано 7855 тонн кормовой свеклы.

Стоимость валовой продукции, произведенной бригадой, — около ста тысяч, каждый участник бригады произвел продукции на 577 рублей.

С большим уважением отозвался председатель об опытнической работе школьников, столь необходимой колхозу. Теплые слова нашел для школьных цветоводов, украсивших родные села. Похвалил школьное лесничество. Но особенно порадовался успехам звена юных животноводов.

Звено это создано в школьной бригаде недавно, работает всего второй год. А сделано уже немало. Например, школьники-свиноводы за год произвели продукции на 125 тысяч рублей, дав чистой прибыли 24 тысячи, привесы составили 783 центнера.

И критические замечания были: когда будет налажена агротехническая учеба в зимний период?

Да, все это впечатляло...

«Все» — прежде всего реальная ощутимость, весомость ребячьего вклада в колхозную копилку. Не на миллионы, конечно, вела школьная бригада счет. Но на тысячи рублей, тысячи тонн. Хорошо ведь работали, а?!

Во-вторых, поражало привычное, будничное, что ли, отношение к таким масштабам. Ни следа умиления, никаких «воспитательных» пассажей! Чисто хозяйский аспект разговора. О школьниках — в ряду прочих тружеников. По тем же показателям: урожаи, надои, привесы, себестоимость продукции,

прибыль.

Для того и происходит сейчас в стране реформа школы, чтобы естественно, органично ввести ее в наш общетрудовой ритм, в наши экономические, хозяйственные заботы. Думаю, что такой подход давал бы самый большой воспитательный эффект. «Делегаты» от школьной производственной бригады, а через них и все остальные учащиеся именно в этом наверняка улавливали подлинное уважение к себе взрослых.

Надо было видеть и слышать, как выступала в прениях Лена Мельникова, девятиклассница, комсорг ученической бригады. С какой уверенностью, с каким чувством собственного достоинства!

Девушка вышла из-за стола президиума, где сидела со знатными людьми колхоза — доярками, свинарками, механизаторами, полеводами, неспешно подошла к трибуне и стала говорить, как и все выступавшие до нее, о самых насущных проблемах — о тех, что требовали безотлагательного решения.

Да, не все благополучно в постановке агротехнической учебы в зимний период. Но бригада уже просила подключить к этому делу ведущих специалистов. Когда правление колхоза откликнется на эту просьбу?

Еще очень важное: пора ученической бригаде обновить технику. Трактора в порядке, а вот культиваторы, сеялки, плуги поизносились. Ребята сами ремонтируют их в колхозных мастерских и знают это лучше, чем кто-либо. Зря бы просить не стали.

Подробно остановилась Лена и на работе новых животноводческих звеньев школьной бригады. Дело это хорошее и необходимое. Колхоз ведь специализируется на свиноводстве и молочном животноводстве, как же без подготовки кадров по основным специальностям? Поблагодарила Мельникова правление за помощь в организации учебы на фермах. Но, сказала ученица, юным животноводам хотелось бы иметь свой собственный участок работы. Школьную ферму. Небольшую, но отданную в полное распоряжение. Правление ведь обещало. Пока ребята подменяют свинарок, доярок, настоящей ответственности не воспитать. Чтобы болеть за дело, надо участвовать в самой его организации.

Слушали Лену внимательно. Так говорит человек, которому даны реальные права и который уже знает, что такое ответственность. И другое чувствовалось в ее интонациях: школа вносит свой весомый вклад в общеколхозные успехи — школа на равных требует к себе общего внимания.

Концерт

Концертом закончился тот вечер во Дворце культуры. Кстати, в повестке дня он значился вторым пунктом: «Отчет самодеятельных художественных коллективов о проделанной за год работе». Все в том же ключе, все в том же духе неразрывного единства и важности всех звеньев. Культурная деятельность не отгораживалась от хозяйственной, не умалялась в глазах собравшихся. Само построение собрания, его внутренний план говорили каждому: трудимся ли, отдыхаем ли, учимся ли, отдаем ли полученные знания в труде — все надо делать отлично и вместе, коллективом. Потому как все это нужно каждому из нас. А в потоке жизни самое важное — мы сами, каждый из нас, Человек.

И словно подтверждая мои ощущения, сосед по креслу рассказал мне о казусе, случившемся несколько лет назад. Привезли бессоновцы на областной смотр свои самодеятельные коллективы. Было что показать: хоры, оркестры, ансамбли. Программа нравилась. Но вот загвоздка: не знали организаторы смотра, по какой графе награждать призеров. Школьная самодеятельность? Не школьная. Колхозная? Не колхозная. Совместная. Долго тогда утрясали, доказывали, что только так и должно быть, а перегородки между школой и производством — лишние, ненужные.

— Приучили к этому организаторов смотров?

— В конце концов приучили...

Сразу скажу, что концерт, который я видела, был тоже весь из «смешанных» номеров. Да и как могло быть иначе? Сегодняшние ученики и ученики вчерашние, которые стали колхозниками только что, — как разделить их? Не только деловыми связями силен союз школа — колхоз, личными — тоже. Сплетаются корни, прорастают кроны, и от всего этого только сильнее становится содружество. И крепче, неразрывнее.

Что можно сказать об отчете художественных коллективов? Он прошел на очень хорошем художественном, эстетическом уровне. Мне, человеку постороннему, доставил немало удовольствия. Причина объективная: уровень выступающих часто был близок к профессиональному. Народный хор, как выяснила позже, объездил с гастролями пол-Европы, был в Румынии, ГДР, и везде его встречали аплодисментами. Несколько отличных танцевальных ансамблей, оркестр духовой, оркестр народных инструментов... И каждый — словно большая семья, вобравшая в себя детей от мала до велика. Рядом — и стар и млад, мать и

дочь, дед и внук.

Сравнительно ровным по возрасту был разве что вокально-инструментальный ансамбль: старшеклассники, молодые колхозники. В громком, «космически-электронном» звучании сказывалась такая увлеченность ребят и девушек, одетых в блестящие комбинезоны, что захотелось понять, чем для них является этот коллектив, это искусство.

«Так ощущаю жизнь и так ее выражаю» — к этому сводились ответы самодеятельных артистов.

Потребность «выражать жизнь», как она понята, пережита, принята, — это потребность в самовыражении, в творчестве. Только творческая активность делает жизнь полной, захватывающе интересной. Поэтому Дворец культуры — «тянет»...

Самодеятельность — это и неоценимая возможность для мам и пап быть рядом с детьми в свободное время, вместе проводить досуг. В одном хоре часто поет вся семья, одних Кузнецовых можно насчитать шесть человек. Чем можно заменить это «рядом»? Это живое общение в неформальной и творческой обстановке, когда дети видят своих воспитателей в новом ракурсе, среди других людей. Непринужденный обмен чувствами и мыслями.

Общие заботы, радости, тревоги — да, об этом мечтают родители, они озабочены воспитанием детей. К этому стремятся. Из двух путей — строить систему общих интересов внутри семьи или вовне, коллективно, — многие бессоновцы выбрали второй. Ведь коллективное начало само по себе тоже немалого стоит!

Но вернемся в зал.

Сижу, смотрю, слушаю, аплодирую вместе со всеми. И одновременно отмечаю то, что надо будет еще понять, осмыслить. Вот, скажем, та свобода, с какой артисты меняют жанры, та хозяйская вольность, с какой чувствуют себя на сцене, — откуда это? Девушка-старшеклассница ведет программу. Она же прочитала в концерте стихотворные строфы, она же села за фортепиано и наиграла мотив песни, «монтируя» номер за номером вокруг единой мысли: весь этот праздник посвящен славному труду сельчан, их успехам. Вкус, мера — и никакой «зажатости». Привычка к сцене? Ощущение, что находится среди своих близких? Наверное, и то, и это. И еще, как выясню позже, настоящая музыкальная культура — та, что дается многими годами учебы.

Или другое: сидящим в зале все происходящее на сцене не просто интересно, оно — волнует, захватывает. В этот концерт включена их собственная жизнь.

Один пример. Когда певица пела песню о родном крае, о

любви к нему, в зале неожиданно погас свет и вспыхнул экран.

На экране была... Бессоновка. Летняя. Шла жатва. Реальная, не такая и давняя, может быть, последняя, прошлогодняя. Как это было здорово — увидеть общий труд чуть-чуть со стороны, чуть-чуть издалека, по прошествии времени!

Мощно идут строем широкогрудые комбайны. Волнами бегут, колышутся хлеба. А после камера вдруг на секунды выхватывает лицо комбайнера — напряженное, горячее лицо спешащего и захваченного ритмом страды человека. Вот еще крупный план. Председатель Василий Яковлевич Горин — в жаркую пору, в «бобочке». Видно, только что соскочил с машины, что-то показывает, объясняет механизаторам. Спорит с невидимым собеседником, радуется, гневается.

После снова комбайны и зерно, крутой волной идущее в бункер. Колхозные поля с птичьего полета, знакомые плавные линии холмов.

А дальше в монтаже — мальчишка, бегущий в простор трав за летящей птицей...

Что-то замкнулось в сознании, что-то очень важное для понимания всего дальнейшего было схвачено на эмоциональном уровне в этот миг. Высветилась человеческая направленность всех усилий — совместных, общих, коллективных.

Притягательность общего дела доказывалась на уровне чувства, порыва души — и это действовало куда сильнее призывов, наставлений, разъяснений...

В последнее время Василий Яковлевич Горин появляется на телевизионном экране часто. Дважды Герой, знаменитый председатель очень проблемно и горячо выступал на XXVII съезде партии. И каждый раз охватывает чувство: за Гориным и с Гориным в эти минуты все односельчане. Ребята, школьники — тоже.

ВТОРОЙ ДЕНЬ

«На этажах» и «на земле»

Одна из самых больных проблем современной деревни — кадры. Молодые выбирают город, покидают родные края.

Из выпускников Бессоновской средней школы в последние годы примерно половина остается в своем колхозе. Это сразу. Некоторые возвращаются через какое-то время.

Половина — это немало, но и не так уж много (хотя значительно больше, чем в среднем варианте). Я решила понять, что настраивает ребят остаться работать и жить в селе, продолжая дело своих отцов и матерей, а что их из родного села «гонит».

Дорога к отчему дому. Какая она?

Трудно учесть все факторы, что удлиняют и сокращают ее.

«Жизни без проблем не бывает», — часто говорит председатель колхоза Василий Яковлевич Горин.

Что ни день, что ни шаг вперед, что ни новое дело — новые возникают вопросы. Вот, скажем, многоэтажные дома, которым я когда-то радовалась с бессоновцами вместе. Они и сейчас хороши, удобны. Да только внесли свой «вклад» в проблему, о которой идет речь.

Убедилась в этом, разговорившись с бригадиром токарей центральных колхозных мастерских Геннадием Ивановичем Гапоненко.

Словно нечаянный опыт поставил умный и наблюдательный отец. Опыт, который в научно-педагогической лаборатории могли бы назвать так: влияние жилой среды на формирование интересов ребенка.

Мне лично всегда казалось, что внешняя, вещная среда — дело не первой важности, главное — отношения, в какие вступает ребенок, именно они прежде всего влияют на социализацию подростка. Все так. Но...

— У меня две дочки, — слушала рассказ Геннадия Ивановича. — Старшая росла «на этажах», в большом доме. Рукастая, умелая, домашнюю работу любит. Порядок в квартире навести, красоту — пожалуйста. А вот к сельской работе совсем не приспособлена. Не тянет ее ни в сад, ни в огород, ни к поросенку. Честно скажу — в город смотрит. Для нас с женой это не очень радостно. Мы и уговариваем, и отговариваем. Да разве слова помогают? Поздно поняли, что не так жизнь организовали. Я, говорит, танцевать буду. В ансамбль пойду. Может, что и получится, кто знает...

Зато младшенькая... Леночка... Она росла уже в новом доме, «на земле». Попробуй обработай-ка все сотки, что около нашего

коттеджа! И ей приходится в огороде возиться. Так она — никакого сопротивления, с такой охотой все делает, с такой старательностью. И животных любит. Крестьянка будет наша Елена.

Вот где и когда начинается профессиональная ориентация! В самые первые годы жизни. Упущен момент — не восполнишь пробелы.

Семья — ячейка государства. Эта формула всем знакома. Но не стоит забывать, что семья является и частичкой, ячейкой колхоза. Коллектив в колхозе имени Фрунзе крепкий, он, конечно же, влияет на уклад семейной жизни, в частности на то, каким быть сегодня крестьянскому подворью.

Сегодня всем уже ясно, что подсобное хозяйство — дело хорошее, в труде на личном участке заинтересовано государство. И колхоз не против — поможет и семенами, и кормами, и цыплятами, и поросятами.

Но у председателя, главных специалистов, у парторга есть очень четкие взгляды на пропорции между собственным хозяйством и общественным. Мера здесь для них — современный человек. И даже точнее — современный молодой человек.

К новым коттеджам, как правило, прирезан не такой уж большой «клочок» земли, пара соток. Их обработать тоже не так легко, так что для растущего поколения нагрузки обеспечены. Но посильные нагрузки. Свой стол с овощами и фруктами сельская семья обеспечит: «картошка-моркошка», яблоки, малина. Все это открывает радость труда на земле, радость крестьянского созидания. Вырастить сад, получить урожай со своего огорода — приятно. Не трудно откормить кабанчика, содержать десяток уток или гусей.

Но, скажем, коров бессоновцы на усадьбе не держат.

Это уже подчиняет все существование, мешает основному делу и отдыху. Да и что скрывать? Бесконечная череда дел на громоздком, захламленном, требующем тяжелого ручного труда подворье сегодня отпугивает молодых ребят, знающих цену свободному времени. Это здесь учитывают.

Учитывают и то, что при желании любовь к животным можно привить иным путем. В селе ведь все близко — дом, работа. И нет между ними высокого забора. Каждый может привести в помощники младшего на ферму, как это делают супруги Проскуряковы.

Работают они на МТФ второго участка, в изоляторе. Лидия Васильевна дояркой, муж ее — скотником. И не было, наверное, дня, чтобы кто-то из многочисленных их детей не был с ними рядом. Принести корм, почистить корову, подоить, просто

поласкать больное животное и дать ему лекарство — каждому, от мала до велика, найдется дело. Семеро Проскуряковых с дошкольных лет начиная проходят «школу животновода». И нет для ребят большей радости, когда поднимается на ноги хилая телочка или возвращается в дойное стадо выздоровевшая корова.

— Сколько дала молока? — спрашивают ребята доярок. И сияют, если от «их» коровы надаивают молока много, для этого и старались.

Есть уже и результаты ранней семейной профориентации. Стали доярками и работают в одном звене Маша и Вера Проскуряковы, Наташа устроилась на свинокомплексе. А в помощниках теперь — восьмиклассник Слава и семиклассница Люда.

Идет самая действенная профориентация. Не с помощью слов — с помощью самого дела. Давно известно, любой труд притягателен, если с ним можешь хорошо справиться.

«Смотрите детский сад!»

Слышала недавно, как в одной из телепередач Василий Яковлевич Горин отвечал на вопрос: «Какие человеческие качества нужнее всего людям в наше время?»

— Трудолюбие, — ответил председатель.

— Как его воспитывать? Дома?

— И дома. Если живет со мной внук, конечно, он чем-то и мне, и жене помогает... И так любое дитя в доме имеет обязанности...

Но... Коллективист по строю чувствования и мышления, Горин тут же добавил, что родители должны постараться, чтобы трудолюбие воспитывалось везде.

— В детском саду, прежде всего — в детском саду. Там ведь наши ребята проводят больше всего времени.

Те, у кого есть дети или внуки детсадовского возраста, знают, как отстаивают они свое право расстегнуть пуговицу, натянуть трусики или колготки. «Сам»... «Сама»... Сказывается, на мой взгляд, трудовое «голодание». Но обслужить себя малышей еще приучают, а вот поработать на других... Для этого просто нет условий.

В среднем, «типичном» садике чаще всего сидят малыши за столиками в ожидании пищи, которую им принесет няня. Сидят на скамеечках — с ними играют, их обучают, их «занимают». В большой семье пятилетний малыш раньше и люльку качал, и вишню собирал, и дрова носил по бревнышку. Нынешний садик — тоже большая семья, но как будто созданная для обслуживания маленьких человечков. Такова внутренняя установка. Сначала скучно им так, и не хватает движений, а после привыкают.

В программе детского сада, конечно, есть труд. Но, увы, не всегда он связан с жизнью ребенка, подчас выглядит несколько искусственно. Видела я, как в старших группах одного городского садика сеяли мальчики и девочки в горшочки какую-то траву. «По программе». Неплохо. Познавательно. Дети проследят весь цикл развития растений. Но приблизит ли их это хоть чуть-чуть к будущему труду? Вряд ли.

Отсутствие физической нагрузки в раннем детстве ведет ко многих дурным последствиям. Вдумаемся: привычка к гиподинамии ведь и есть та лень, которую в народе издавна считают матерью всех пороков.

Народное присловье сегодня в разных аспектах расшифровывается наукой — педагогикой и психологией. Ученые доказали взаимозависимость физического и умственного

развития растущего человека; связь рука — мозг очень многое определяет в становлении личности.

Вот что пишет член-корреспондент АН СССР П. Симонов в статье «Познать себя» в журнале «Коммунист»: «Не следует забывать о присущей всем нам с самого раннего детства потребности овладения средствами, навыками и умениями, некоторые из которых подчас могут понадобиться только через много лет... Дети способны десятки и сотни раз повторять одни и те же движения, единственным смыслом которых (разумеется, не осознаваемым ребенком) является тренировка их психофизического аппарата. С возрастом человека такая потребность приобретает все более сложные формы. Это и стремление к образованию, и тяга к совершенствованию своего профессионального мастерства, и овладение смежными специальностями».

Думаю, что многие из нас сталкивались с таким явлением: выросшие дети предъявляют к родителям и обществу завышенный счет. Немедленно — «здесь и теперь» — требуют они и материальных благ, и всеобщего уважения, и особо занимательного, «творческого» труда. Притязания эти, однако, не подкрепляются реальными усилиями.

Психологи, социологи склонны видеть в этом следствие того, что не развилась «потребность в вооруженности», которая закладывается в самые первые годы жизни. То есть в какой-то степени это издержки той самой детсадовской гиподинамии, о которой мы вели речь.

Сельское бытие, «обязывающее» ребенка к подвижности и физической активности, должно гармонизировать личность. Но, видно, и здесь в последние годы произошли нежелательные сдвиги. Потому что Горин, педагог от бога, задумался над теми основами, которые закладываются в самом раннем детстве. Чутьем своим обратился он к этой самой «потребности в вооруженности», которая дает возможность труженику испытать радость от любого дела. Ведь рутинного и нелегкого труда в селе еще немало, но и он может быть в радость, если человек не лодырь.

И связал председатель проблему... с детским садом.

...Помню, о Горине уже в первые годы его председательства сложилось мнение — прижимист. Сейчас это качество определяется, правда, другими словами: «рачителен», «настоящий хозяин». Умел и умеет Василий Яковлевич видеть выгоду для колхоза, всегда ухитрялся меньше израсходовать — больше получить. Сегодня все это в русле интенсификации экономики, отвечает нынешним требованиям.

Да, «прижимист» Горин... Вот и новую МТФ из «пленки» в колхозе недавно построили, «копеечная» ферма, дешевле не бывает.

...Прижимист... А глаза разбегаются от роскоши и красоты. Еще издали сверкнула плоскость стены мозаикой: золотое солнышко, разбросав во все стороны лучи, улыбнулось навстречу.

Колхозный детский комбинат «Улыбка» построен по особому, улучшенному и очень дорогому проекту. Мне рассказывали, что Горин сам принес на правление информацию, вырезанную из научно-популярного журнала, о том, что особый, замечательный садик построен в Набережных Челнах. Решили строить такой же.

Здесь, в «Улыбке», есть все, что необходимо дошкольнику, чтобы рос он здоровым и подвижным.

Просторны групповые комнаты и спальни.

Музыкальный зал раза в три больше обычного. Рядом с пианино, на скамейке, лежат маленькие гармоники и балалайки. Я уже знала, что в детском саду есть свой ансамбль песни и танца «Улыбка». Здесь малыши разучивают номера, репетируют.

Еще один зал — для занятий спортом. Мячи, скакалки. Как и любой другой детский сад, этот, колхозный, столкнулся с проблемой: не производят у нас хороших спортивных снарядов и спортивных комплексов для маленьких. На помощь пришли родители ребят. Шефы — столяры и токари изготовили и поставили шведскую стенку, снаряды.

Моим «экскурсоводом» по детскому комбинату согласилась быть его тогдашняя заведующая Екатерина Андреевна Рудь.

— Здесь сделаем зимний сад и живой уголок. — Показывает

она на свободный холл. — А это — медицинские кабинеты.

Она не ошиблась, употребив слово во множественном числе. На нижнем этаже разместилась целая «медицинская часть». Здесь к нам присоединилась медицинская сестра Надежда Федоровна Решетникова.

Вообще-то по штатному расписанию детский комбинат обслуживает одна медицинская сестра, но колхоз нашел возможность дать еще ставку. На ней и числится Надежда Федоровна, отвечающая за все физиопроцедуры, она занимается закаливанием малышей.

А Екатерина Андреевна приоткрывает еще одну дверь.

— Зубной кабинет.

Забота о здоровье — на первом месте. Именно поэтому правление колхоза решило так: воспитательница и нянечка, работающие в группе, где нет заболеваний, и не получившие от родителей замечаний, получают надбавку к зарплате по десять рублей в месяц...

Стеклянная стена отделяет от холла бассейн. На скамеечках ровные ряды сухих трусиков, аккуратно выстроились тапочки. Мы видим через стекло, как весело резвятся в воде ребятишки, вырывая друг у друга крокодилов и лягушек. За окнами мороз, белым бело. А здесь — кусочек лета. Яркая облицовка бассейна, скульптурная группа фантастических «зверей», рядом зеленые пальмы и сверкающие брызги воды.

— Все мы здесь родители, все мы здесь хозяева. У нас на детях не экономят. — Так закончила экскурсию Екатерина Андреевна.

В колхоз имени Фрунзе каждый день отовсюду приезжают люди: животноводы, полеводы, руководители производства, партийные, профсоюзные, комсомольские активисты, ученые. За опытом. Показ своего хозяйства Горин, как правило, начинает... с детского комбината. «Да нам бы откорм свиней посмотреть», «Нам бы новую технологию» — мнутся приезжие. И тогда Василий Яковлевич вновь повторяет историю о том, как колхоз из отстающего превратился в нынешний, процветающий.

Мне тоже довелось ее слышать (почему и пошла посмотреть малышей). Начинался рассказ издалека, с той послевоенной поры, когда на трудодень выдавали зерно, а в неурожайные годы «просто ставили палочки». Люди из этих мест разъезжались по городам, работали год от году хуже. Недисциплинированность и пьянство очень мешали делу.

Возвращаясь к дальним и тяжким годам, Василий Яковлевич восстанавливает логику тогдашних размышлений.

— Думали мы тогда в правлении: заплатим людям в полную

меру — все сразу изменится. Кое-кто считал нас авантюристами. И впрямь пошли на риск, кассу колхозную оставили почти пустой, а колхозникам заплатили деньгами сполна. Не скажу, что зря. Повеселели бессоновцы, работать стали лучше. Но... не так, как ожидалось, с оглядкой, да с прикидкой — где, может, получше, чем здесь.

Даже новая, удобная для работающего технология, отличные условия быта — не хуже городских, — в каких живут наши люди, не так четко «сработали», как забота о детях.

— Знаете, когда каждый колхозник поверил, что стоит ему у нас трудиться изо всех сил, что о нем, о его будущем подумали, его поняли? Когда мы садик детский открыли. Еще тот, первый. Простенький он был, небольшой, но уже бесплатный.

Вновь и вновь, словами и такими вот акциями подчеркивал председатель одну мысль: дети — забота наша общая, о детях думаем всем миром.

В жизни одно явление становится почвой для другого, и перспектива тех дальних лет — день сегодняшний. Удачно нащупанное звено всегда тянет следующее. И разве не аукнется все это, скажем, сегодня, в каждой семье? Ведь это так важно, что услышит маленький человек дома за воскресным столом: слова благодарности по отношению к родному колхозу или наоборот. «Лучше твоего садика нет». Забота о детях отзовется гордостью в маленьких сердцах, гордостью за свой край, за своих родителей, за свой колхоз. Вот какими простыми, а в то же время не сразу заметными путями идет агитация будущего труженика за свой колхоз.

Для правления колхоза детский комбинат сегодня — это прежде всего возможность высвободить женщин, их силы, их время для труда на полях и фермах. Но высокая «классность» детского учреждения — это и стремление удержать в колхозе молодых родителей. Браки нынче ранние, и уже в восемнадцать-девятнадцать лет женщина обзаводится детьми. А обзаведясь, присматривается: где малышу будет лучше? Лучше, чем в Бессоновке, — поискать надо, да не скоро найдешь...

И совсем далекие перспективы просматриваются в той щедрости, с какой колхозники оборудуют детский комбинат. Здесь растут будущие труженики. Делается детский сад первой и очень важной ступенькой в профессиональной ориентации.

Где растет редиска

Приехали как-то в Бессоновку высокие гости и, конечно, по заведенному порядку, первым делом решили посмотреть детский сад. Здесь они и встретили Андрюшу Кузнецова, который спешил на кухню с большим пучком редиски в руках. Мальчик дежурил и выполнял свои обязанности с положенной ответственностью: редиска была уже вымыта под краном.

— А ты знаешь, как растет она? — спросил Андрюшу кто-то из делегации. — Где взял-то?

Возможно, гость ожидал услышать в ответ смешное и детски нелепое. Что-нибудь вроде «растет на рынке» или «тетя Маша дала». Но дошкольник прочел дядям целую лекцию, да еще с оттенком укоризны (большие, мол, а не знаете). Все рассказал: как вскапывал землю вместе с воспитательницей, она — лопатой, а он руками комочки растирал. Как проводил бороздки. Бросал в них маленькие черные семечки. Поливал всходы из лейки. Полол. Прореживал. А вот теперь выдернул за хвостик, отряхнул каждую редиску, вымыл.

Рассказывал все это мальчик с удовольствием. С тем удовольствием, с каким в эти годы ребенок берется за каждый посильный труд: Андрюша радостно переживал еще раз все свои «земледельческие» усилия.

В Бессоновском детском комбинате сумели избежать умозрительного отношения к труду благодаря тому, что у коллектива сложилась позиция: не сидеть у колхоза на шее. Все, что возможно, делать самим. Сами — это воспитатели, родители и... ребята.

— Овощами и фруктами снабжаем себя сами.

Был пустырь неподалеку от «Улыбки», родители-механизаторы распахали. Теперь на трех гектарах осенью мамы и папы, их дети — те, что постарше, — собирают картошку. Еще 80 соток — «ближний» огород. Морковка, капуста, свекла — все, что надо для кухни. 20 соток отданы в полное распоряжение подготовительной и старшей группам. На грядках дети сами сеют лук, петрушку, укроп, ту самую редиску, о которой не без гордости рассказал гостям Андрюша Кузнецов. Осенью собирают яблоки и сливы в колхозном саду, он тоже рядом.

В таком труде двойная радость. Радость усилия, движения, результата, общего дела: не столько для себя стараются малыши, сколько для других. Для всех.

Есть еще один глубокий смысл во всех этих садово-огородных заботах. Именно в раннем детстве многие ощущения входят в нас

«через поры», входят в плоть и в кровь. И через десятки лет, вполне возможно, проснутся они: запахи вязкой весенней земли, солнце, ласкающее кожу, простор, плавные линии холмов. Властно укажут: здесь твое место, на этой земле.

А труд по программе в Бессоновском детском комбинате, конечно же, тоже есть. И организован он очень неплохо. Так, например, с сельскими профессиями ребята знакомятся не по книжкам и рассказам. Дает правление автобус, и едут малыши на экскурсию к своим мамам и папам. То на дальнюю молочную ферму, в Солохи, то на свиноферму на Чайках, то в мастерские, где ремонтируются комбайны и трактора. Колхоз строит свой комбикормовый завод — и на стройку пора посмотреть. Профориентация так профориентация. Чем раньше, тем лучше...

ТРЕТИЙ ДЕНЬ

Право, данное трудом

Этот день я полностью провела в школе.

Казалось, после детского садика уже трудно было меня удивить материальным благополучием, удобством существования, комфортом. Ан нет! И здесь первым впечатлением было: как хорошо, продуманно и щедро все делается для детей.

Школьное помещение в Бессоновке тоже «особенное», не типовое.

На центральной площади села, рядом с правлением колхоза и Дворцом культуры, встала школа невысоким квадратом. Ряды окон смотрят вовне, на село. Ряды окон — вовнутрь большого замкнутого двора. Вдоль внешней стены — предметные кабинеты и мастерские, вдоль внутренней протянулись многочисленные просторные рекреации, в которых очень удобно вести массовую, внеурочную работу. На втором этаже расположены залы боевой и трудовой славы колхоза, нижние этажи используются чаще всего для зарядки, игр, хорового пения.

Завуч Надежда Степановна Логачева, работавшая еще в первой, маленькой Бессоновской школе и потому мне хорошо знакомая, ведет меня от двери к двери: показывает все подробно, с затаенной гордостью. Посматривает на меня: удивляюсь? восхищаюсь?

Удивляюсь и восхищаюсь.

Ну, кабинеты гуманитарного цикла, пожалуй, как везде. Портреты писателей, стенные газеты и стенды, сделанные ребятами.

Кабинет математики — модульный класс. Стол учителя соединен с каждым столом специальным электронным устройством. Это помогает учителю следить за точностью полученных ответов, оценивать работу двадцати — двадцати пяти учеников одновременно. Учительский стол напоминает пульт управления с информационным экраном. Преподаватель Виктор Григорьевич Марадулин чувствует себя за ним очень хорошо.

Мастерская, где ребята учатся основам технического труда. Здесь ребята получают первые навыки работы на столярных и токарных станках. Надежда Степановна говорит, что уже выписаны последние марки учебных станков, хотя и эти еще послужат.

Кабинет «Трактор» выглядит очень внушительно. Думаю, он вполне мог бы служить центром специального обучения, скажем, в районе. На стендах — новые, ярко окрашенные узлы машин самых последних марок. На стенах — схемы, учебные плакаты.

Если учесть, что колхоз отдал в распоряжение школы четыре трактора разной мощности, на которых ребята учатся вождению и работают в поле летом, то можно с уверенностью сказать: для получения одной из самых важных и массовых механизаторских профессий здесь есть все условия.

Во время «путешествия» по Бессоновской школе мне открывались уголки и совсем неожиданные.

Заглянув в одну из дверей на втором этаже, я увидела... спальную комнату. Примерно такую, как в детском саду: рядами стояли одинаково застеленные кроватки. Оказалось, что тихий этот уголок возник недавно, еще до обсуждения проекта школьной реформы (с приходом в школу шестилеток в будущем, как я выяснила, он никак не связан). Просто ребята-первоклашки после садика с трудом привыкают к новому распорядку. Первое полугодие почти все после обеда приходят сюда полежать, поспать. Некоторым дневной сон нужен и в дальнейшем.

В одном из «углов» школы сосредоточены помещения, прямого отношения к урокам не имеющие.

Балетный класс. В том классическом варианте, в каком он существует в специальном хореографическом училище: зеркальные стены, брусья станков.

Музыкальные аудитории. Прекрасные инструменты лучших мировых марок: фортепьяно, аккордеоны, струнные.

Изостудия с гипсовыми слепками, мольбертами, посудой для натюрмортов.

Это не все. На первом этаже спортивный зал — настоящий боксерский ринг. Ряды подвешенных «груш» разной тяжести. Зал этот не пустует никогда. Бессоновские мальчишки особенное пристрастие почему-то питают именно к боксу.

Только позже я пойму, какое место занимает все это в системе воспитания бессоновских школьников, почему все это появилось в десятилетке, оказалось необходимым. А тогда, при первом знакомстве, все это воспринималось... ну, как некоторая эгоистическая избыточность возможностей, что ли.

Ну разве не роскошь, скажем, это обилие костюмов для художественной самодеятельности? В школе существует специальная комната-костюмерная, где на нескольких уровнях вплотную друг к другу висят русские сарафаны, цыганские яркие юбки, современные комбинезоны, отливающие металлическим блеском. Право, иная областная филармония может позавидовать такому богатству. Все это стоит немалых денег.

— Колхоз? — спрашиваю я Надежду Степановну. Она понимает с полуслова и кивает в ответ:

— Конечно, колхоз.

Без колхоза, без щедрого «благословения» правления не было бы и ярких витражей, украшающих парадный вход в школу. Солнце пробивается через разноцветное стекло, покрывая пол и стены веселыми «зайчиками». Красиво. Но я могу представить, как недешевы такие художественные излишества.

Вновь и вновь поражаюсь незыблемости правила: на детях не экономят.

Как спокойно, сознательно идут здесь на траты, связанные с реформой школы: никаких «зажимов» ни в сознании, ни в делах.

Реформа заставила всех — и педагогов, и родителей — задуматься. Говоря «родители», имею в виду колхозников, которые на общем собрании (его можно в каком-то отношении считать и родительским) утверждают статьи расходов. А расходы обозначились большие.

Ко времени моего приезда в Бессоновку на укрепление материальной базы школы в связи с реформой уже было потрачено триста тысяч рублей. При мне учителя радостно, но довольно спокойно (будто иначе и быть не могло) обсуждали весть: на компьютеры, на оснащение классов электронно-вычислительной техникой правление выделило пятьдесят тысяч рублей.

Да что — это! Принято окончательное решение строить новую школу!

Шестилетки, которые должны вот-вот прийти в школу, требуют особых условий: каждому классу — три помещения, если учесть спальни да игровые комнаты. Уроки короткие, звонки через тридцать минут. Как совместить все с основным режимом? Пристраивать помещение? Приспосабливать имеющееся? Не окажется ли в конечном счете и хуже, и дороже?

К тому же — и это главное — растущему хозяйству требуется все больше специалистов самых разных профилей. Кроме трактористов и животноводов, нужны электрики и газовики, слесари и токари для механических мастерских. Вошел в строй комбикормовый завод, и возникли новые проблемы с кадрами. А строители? Где взять строителей?

Но в повестку дня поставлена не только экономическая — социальная проблема. Все еще узок выбор профессий. Многие ребята потому и уезжают, что нравится им дело «не сельское». «Хочу стать кондитером». А разве не под силу колхозу сегодня вырастить собственного кондитера у себя, в своей школе? А уж хозяйству-то он пригодится.

В новой школе предусмотрены учебные кабинеты по всем массовым колхозным специальностям. Будет неподалеку животноводческий комплекс. Своего рода симбиоз: и

общеобразовательная школа, и учебно-производственный центр.

Директор Бессоновской школы Валентина Николаевна Лазарева вместе с правлением колхоза вырабатывала четкие требования к проекту. Их передали в НИИ школ АПН СССР — как обстоит дело с точки зрения школьной науки? И вот они уже у проектировщиков. Колхоз готов выделить на строительство нового здания до пяти миллионов рублей.

«Новая школа будет стоять вон там, на горе» — показывали мне учителя, ребята, родители. Рядом — колхозный сад. Чуть ниже — село, как на ладони. То самое, красивое, и ближе которого нет.

Все это прекрасно. Но не буду скрывать. Возвратясь поздним вечером в гостиницу, я все же думала не только о том, что увидела в этот день, но и о том, что видела раньше. Большинство школ, в которых мне приходилось бывать в селах (да и в городе, даже в столице), выглядели куда как скромно по сравнению с местной, бессоновской.

Возникали вопросы. А надо ли так? По самому высшему классу? Надо ли, если не все и не везде школы такие, как в Бессоновке?

Зачем я так подробно рассказываю и о школе и о колхозном садике?

«Что это дает мне? — спросит иной читатель. — Один детский комбинат плох, другой хорош. В одной школе балетный класс, в другой не хватает швейных машинок для уроков труда. Много ли от меня, обычного родителя, зависит?»

Для того и пишу, чтобы показать, что многое, очень многое зависит от каждого!

Все явственнее в результате перемен в экономике и социальной сфере становится связь каждого из тружеников со всем коллективом. От результатов усилий всех и каждого сегодня на предприятии, в колхозе зависят общественные фонды — те самые, которые прямо определяют качество ведомственных детских учреждений. И совхозный садик, и колхозный, и заводской может быть лучше или хуже, в зависимости от того, как работают папы и мамы.

Все больше утверждалась я, размышляя, в этой мысли: сегодня отлично трудиться на своем рабочем месте — долг и гражданский, и родительский. В колхозе имени Фрунзе это было всегда и наглядно связано: труд взрослых и условия жизни детей. Коллектив сам здесь решает, как ему развиваться дальше: обновлять ли, скажем, технику или строить пионерлагерь.

Так что получалось: все справедливо. Вполне соответствует принципу нашей жизни — получай заработанное сполна. Здесь

самоотверженно, творчески, инициативно трудятся. Значит, имеют полное право жить богаче соседей. И для детей своих создавать лучшие условия, строить для них много, красиво, с размахом.

Чем дальше я отходила от непосредственных впечатлений, которыми одарила меня Бессоновка, тем больше я думала вот о чем.

Материальная сторона дела здесь важна не только сама по себе. Она служит доброму делу создания иных коллективных ценностей — тех, на которых воспитывается молодежь.

Первая из этих ценностей — гордость за родной колхоз, родное село.

Въезжающих на центральную усадьбу колхоза встречает большой плакат: «Бессоновцы! Любите родное село! Умножайте своим трудом его славу!» Зная, что здесь ничего не делают зря, что не любят здесь пустых лозунгов, уверена, что здесь отражена реальная программа руководства хозяйства и общественных организаций. И программа, выверенная точно.

Сегодня нельзя не замечать этого явления: в нравственной, жизненной и профессиональной ориентации молодого человека все большую роль играет престиж родительского трудового коллектива, ближайшей социальной ячейки общества.

Разумеется, это в меньшей мере касается столицы и больших городов, где жизнь динамичнее, влияние разнообразнее. Но в маленьком городке очень часто основное предприятие диктует законы бытия. А в селе и вовсе зависимость прямая: чем выше производственные успехи коллектива, чем громче его слава, тем сильнее притягательная сила, воздействие на каждого ученика и выпускника местной школы.

Мне приходилось видеть коллективы, попасть в которые все мечтают с малых лет. Причем в известной и общепринятой «пирамиде престижей» родительские профессии занимают не самые высокие места. Так, скажем, швейное дело — не самое завидное в нашем обществе, а раскройный цех — не космодром и не вычислительный центр. Но дети работающих на Тираспольском швейном объединении имени 40-летия ВЛКСМ, как правило, идут в его цеха. Даже сыновья становятся механиками, слесарями, ремонтниками, техниками, инженерами здесь, на «женском» предприятии (причем сыновья главных специалистов и руководителей тоже). Таков авторитет объединения, что каждому в маленьком молдавском городке ясно: именно в его цехах человеку лучше работается, чем в другом месте, а коллектив позаботится и о быте, и о досуге каждого труженика.

Те же процессы я наблюдала в колхозе имени Кирова Эстонской ССР. Хозяйство, словно магнит, тянет к себе молодежь не только из сел, но и из городов республики, из Таллина. Все знают, что больница здесь лучше, чем в столице, врачи первоклассные, столовая даст фору ресторану, магазины полны дефицитных товаров, заработная плата очень высокая. А еще прекрасный Дворец культуры, детский сад, Дом ветеранов, библиотека, музей. Кому же не хочется трудиться именно там, где все — от мелочей до главного — «по высшему уровню»?

Думается, вот-вот наступит время, когда не надо будет решать проблему, как закрепить выпускников школы и в колхозе имени Фрунзе. Работать здесь будет так же почетно, как на Тираспольском объединении. И далеко не каждый сможет стать членом колхоза, придется выдерживать конкурс, как в колхозе имени Кирова. Однако для этого нужны время и наработанный авторитет. И тираспольчане и колхозники из Эстонии, о которых шла речь выше, начали свой путь раньше. Фрунзенцы сделали свой рывок в последнее десятилетие.

Среднее работающее поколение еще помнит другие времена — трудные, тяжелые и, главное, не отмеченные вниманием к сельскому труженику. Деды и бабушки, отцы и матери взрослых детей, вступающих в жизнь, еще не всегда и осознают перемены. Инерция сознания такова: село — это хуже, чем город. А чем? Почему? Об этом они не задумываются; действуют стереотипы, складывавшиеся десятилетиями.

Честно говоря, мне не довелось встретить родителей, которые бы без всяких колебаний сказали: хочу, чтобы дети остались работать в селе. Среди молодых тружеников, вчерашних выпускников, немало отвечали на мои вопросы: решение принято правильно, жизнью в колхозе довольны. Но этот факт отражения в родительском сознании пока не нашел.

Родители, с которыми мне приходилось беседовать о судьбе подросших детей, разошлись во мнениях не очень резко. Местные, у которых здесь жили еще деды и прадеды, склонялись скорее в пользу колхоза, однако не слишком горячо. Да, здесь корни. Да, хорошо, чтобы дети продолжили их дело, приняли заботу о доме (неважно, что дом подчас новый, недавно приобретенный — в этом случае понятие дома расширяется, становится внутренним, «корневым»). Иногда говорили мне так: «Не надо бы от родительских могил». Или: «Куда из этих мест? Здесь все родственники, все друзья наши». Но интонации несли следы некоторой принужденности. И на прямой вопрос: «А если дети захотят в город?» следовало: «Пусть попробуют».

Те же мамы и папы, что еще не вросли в здешнюю почву, не

обросли родственными связями, и вовсе не против того, чтобы младшие попытали счастья на стороне. Нет, не потому, что здесь плохо, ну а вдруг где-то лучше. «Все тянутся в город, пусть и наши туда же» — примерно таков немудреный и немудрый ход рассуждений.

Жизнь, конечно, берет свое. И старшеклассники подчас лучше чувствуют токи времени, чем их семейные наставники. Они много ездят, много видят, сравнивают, убеждаются, что Бессоновка кое в чем обогнала и областной центр. Кроме того, и вчерашние выпускники, осевшие в колхозе, — «за село». К этой бы агитации да здравый голос старшего — отца, матери... Но...

Вот только один откровенный разговор на эту тему. Собеседнице около сорока. Переехала в Бессоновку несколько лет назад, до этого жила на Украине. Семье на новом месте понравилось. Прижились, уезжать никуда не собираются ни она, ни муж. Рассказывает, как отправляла старшую дочь учиться в областной центр.

— Волновалась: сдаст — не сдаст экзамены? Председатель узнал, удивился: зачем рисковала? То ли поступит, то ли не наберет баллов. Мы бы, говорит, целевым назначением от колхоза направили. И стипендию свою платили бы. Учителя нам нужны.

— А впрямь, почему не обратились в правление? — спросила я.

Женщина на секунду сбивается, а после смущенно объясняет:

— Ну, чтобы не брать обязательств. Ведь тогда в колхоз вернуться надо.

— А это... плохо?

— Нет. Но вдруг замуж, или куда в город направят. Поступила моя на общих основаниях.

Поступить — поступила. Но, судя по всему, материнские мечтания не воплотятся в жизнь.

— Вернется, наверное. На практику сюда попросилась, все праздники она здесь. Кто поймет? Может, личное что ее сюда тянет, не пойму.

Все мы знаем: давление родительского авторитета оказывается довольно сильным в пору жизненно важного выбора, самоопределения, особенно в тех случаях, когда юноша или девушка не знают, какое им принять решение. А расхождение между влиянием школы, колхоза, общественных организаций и скрытым, почти «тайным» воздействием семьи порождает довольно тяжелые психологические ситуации и жизненные коллизии и сильно осложняет жизнь молодых людей (об этом еще пойдет речь). Причем колебания, естественно, охватывают не только тех ребят, в чьих семьях не одобряется решение остаться в

селе, но и их приятелей, друзей. Сталкиваются два противоположных воздействия, а поле «битвы» — душа неокрепшая, незрелая.

В этом конфликте не много логики, еще меньше — пользы. Опять же досадное несовпадение: одни и те же папы и мамы на деле работают на престиж колхозных профессий, а на словах — «против». Не на трибуне «против», а дома, в узком семейном кругу...

Как хочется председателю, чтобы взрослые наконец однажды взглянули вокруг непредвзятым взглядом! «Что мне с ними делать, с этими «мудреными» родителями? Может, экскурсию для них организовать на предприятия Белгорода и Харькова? Пусть сравнят. На химкомбинат. Или к конвейеру их подвести, а? Пусть задумаются наконец, чем там лучше-то их детям будет?!»

Бессоновские педагоги работают «по линии профориентации» в основном с самими ребятами. Может, выбрать путь не такой прямой и помочь папам и мамам пересмотреть устоявшиеся взгляды? Может, так снять внутренние противоречия? Ведь если каждый в трудовом коллективе будет пропагандистом общих устремлений и в собственном доме, наедине с близкими, это придаст коллективным ценностям подлинную силу и убедительность.

Урок как урок

На уроке труда второклассники в ярких косынках, сатиновых беретах и нарукавниках готовили поздравления ко дню Советской Армии братьям, папам, дедушкам, знакомым. Они делали это очень старательно. Целью урока было — научить ребят пользоваться клеем и ножницами, сделать их руки более ловкими, развитыми. А для каждого из малышей обернулось добрым порывом порадовать близкого человека. Прежде чем приняться за красочный коллаж, всем классом повторили правила рабочего человека, написанные педагогом на доске. «Каждый работает на своем рабочем месте», «Работай дружно», «Кончил работу, убери свое место быстро и аккуратно». Что ж, такие истины годны в любой, и более серьезной, ситуации.

— Кому ты делаешь свой подарок? — спрашивала то одного, то другого ученика учительница.

— Папе. Мой папа, — рассказала Ира, — служил в армии, был пограничником. А теперь он механизатор. Он всегда получает вымпел на жатве. Сейчас папа ремонтирует комбайн в колхозных мастерских.

— И ты, Федя, расскажи нам о своем дедушке.

— Мой дедушка совсем не старый. В войне он не участвовал и даже бомбежки помнит плохо, был маленьким. Он токарь. Я был у него в мастерской, видел станок и как на нем работают. Дедушка получил премию, очень много денег. И купил мне сразу велосипед и футбольный мяч. Не в день рождения, а просто так.

— Мой брат учится в нашей школе, — вызвался рассказать еще один мальчик. — Он взрослый уже, его вызывали в военкомат. Когда он после армии вернется, то станет садоводом. Его колхоз, наверное, пошлет учиться и даст стипендию, потому что у брата нет троек.

— А мне хочется подарить эту открытку своему дяде. Он мамин брат. Работает на ферме, и все его уважают, потому что все животные у него всегда чистые. Мы раньше жили в другом месте, а дядя позвал нас в этот колхоз. Мама говорит: наконец-то мы по-настоящему зажили.

Жизнь, в ее многообразии, со всеми разнонаправленными влияниями, всегда просачивается во все щели. Разве не говорят ребята о своих близких и о жизни семьи друг с другом после уроков, на переменах? А здесь для жизни — большой, общеколхозной — просто не забывают открыть дверь, и она входит в класс. И сама по себе воспитывает, направляет, показывает. Так сумели устроить ее взрослые. И тем самым

труженики облегчили задачу педагогическому коллективу.

Итак, труду учат ребят на практике (вспомним детский сад «Улыбка», вспомним результаты работы школьной ученической бригады, о которых шла речь на отчетном колхозном собрании). У меня было много возможностей убедиться — учат. Обосновывают ценность труда теоретически, пример тому уроки, проведенные в этот день (а сколько всего их!). Это дает результаты.

Я не раз убеждалась, что бессоновские ребята — настоящие труженики. Уверена, придет кто-то из них в город — не подкачает, на любом месте докажет свое трудолюбие и ответственность. Останется в родном селе — тем более здесь все знакомо и привычно.

И все-таки... Все-таки какие-то штрихи, какие-то случайные впечатления мешали мне самой себе сказать: в этом вопросе здесь полный порядок. Что это я вспоминаю все какие-то «царапающие» мелочи? Мелочи-то — мелочи... Но за ними проблема. Возможно, одна из самых серьезных сейчас в селе. Кстати, перебирая записи, пойму, что именно эта проблема беспокоит и Василия Яковлевича Горина — не случайно не раз говорил о ней. Какая проблема?

...Вспоминаю, как ехала с девятиклассницами на молочную ферму. У входа на МТФ шофер вдруг отказался открывать дверь.

— Не выпущу, пока семечки не уберете, — сказал он не слишком смутившимся девчатам. — Кто налузгал-то? Кто вот так — прямо на пол?

Виновниц не выдали. Неохотно скопом подобрали шелуху с сиденья и пола.

— Вместо того чтобы помыть машину, шторки развесить, такое устраиваете, — ворчал водитель. — Это свою, школьную машину так не любить...

Он был прав. И мог бы добавить, что если бы автобус был бы не школьным — колхозным, то все равно свой, о каком положено заботиться, печься.

Другой пример на ту же «тему».

Во время перерыва вместе с животноводами практиканты-старшеклассники идут в колхозную столовую. Все здесь задумано и сделано прекрасно: новое чистое помещение, прекрасное оборудование, удобные гигиеничные столы с пластиковым покрытием — все, что закупил и поставил колхоз. Обеды тоже сытны, вкусны (да еще и бесплатны). Одно режет глаза: ножей нет, вилки и ложки алюминиевые, которые, кажется, промыть никогда нельзя. Но хуже всего, что тарелок для хлеба вообще не положено. Хлеб кладут все прямо на стол. Недоеденные куски, крошки, общее ощущение неопрятности и беспорядка. Я смотрела на девушек и ребят, думая вот о чем: дома и в школе они все едят совсем в другой обстановке. В домах, где мне приходилось бывать, — и скатерти, и салфеточки, а уж ножи — непременно — словом, нормальная, современная культура быта. И в школе на уроках труда они учились сервировке, а в школе искусств и того больше — думали о природе красоты.

Почему у ребят и девушек не возникает такого простого и легко осуществимого желания — навести здесь порядок?

Не дорабатывает школа? Вроде нет. Система трудового воспитания широка и продуманна. Не дорабатывает колхоз? Ну уж нет! Скорее перерабатывает. Председатель и правление, неустанно думая о трудовой смене, то и дело подбрасывают школьникам то одно, то другое дело. Родители? Да они же все люди трудовые!

Впрочем, дело-то ведь здесь не в лени, не в отторжении труда и усилия как такового. Бессоновские ребята подвижны, легки на подъем. А в том, что не возникает мотива, побуждения, импульса

к этому труду.

Может, в душах живет извечное деление на «мое» и «наше», может, перешло оно к детям от старших? Не исключено. Есть скорее всего здесь родительская вина. Малыш видит, как отец чистит, «вылизывает» свой двор и выбрасывает консервные банки в ближайший овражек или в пруд. Такое случается. Да ведь и сам факт существования столовой без тарелок для хлеба и ножей именно тому подтверждение: «наше» пока не «мое»!

И все же проблема «мое» и «наше» стоит сегодня совсем в иной плоскости, «читается» иначе, чем вчера. Высокий уровень материального бытия снял самый простой, примитивный ее аспект. Ни родители школьников, ни сами они тем более не нацелены на то, чтобы «нажиться» за счет общественного добра; изловчиться, стащить, украсть — эти понятия уходят из жизни, оставляя такие нелепые следы, как отсутствие ножей в столовой (их не приобретают «на всякий случай», по старинке, не задумываясь о тех изменениях в психологии, которые произошли).

Еще лет двадцать назад здесь, в Бессоновке, господствовали именно такие нравы: все, что плохо лежит, — тащи в свой дом, на себя трудись с душой, на колхоз — с ленцой. Не позавидуешь педагогам, работавшим в той атмосфере.

Не так давно мне пришлось побывать в поселке крупного консервного завода, где к несунам привыкли. Больше того, мелкие хищения здесь стали приметой обычного быта. И начальник цеха, если ему надо, скажем, чтобы рабочие вышли поработать в субботу, прилюдно обещает всем: «Дам по литру масла». Морковь, лук, томат — все на столах с завода.

Я попала тогда на урок обществоведения в девятый класс поселковой школы. Педагог рассказывал о государственной, общенародной собственности, о святом и бережном к ней отношении. А я смотрела на лица ребят, сидевших от меня сбоку и чуть позади. Такие были у них глаза, у тех двух юношей. Насмешливые, ни во что не верящие ребята. Они уже приняли решение: не верить высоким словам и работать всегда и всюду только на себя.

Думаю, примерно так же формировались те бессоновские ребята прошлых поколений, которые видели: в колхозе много не заработаешь, а жить легче тем, кто «гребет под себя». И много же надо было перестроить, чтобы покончить с таким настроением, перестроить реально, в самой жизни: на производстве, в сфере производственных отношений.

Итак, главное позади. И чтобы совсем преодолеть давнюю и трудную проблему, преодолеть разделение труда на труд «для

себя» и труд «для всех», осталось сделать последний шаг: не только понять, но и душой принять мысль об ответственности за весь колхоз, за все дела в нем. Ощутить личную ответственность за общественное. Шаг необходимый и нелегкий. Для воспитателей самый главный — воспитать хозяйское отношение к жизни, так ведь стоит задача. О ней разговор впереди.

«Если ты отец»

Мне не раз рассказывали о том, что председатель может спросить любого труженика колхоза — от главного специалиста до рядового полевода или животновода, давно ли тот бывал в школе, кого себе присмотрел на смену, с кем работает, «за чью душу» борется?

«Если ты отец»... «Если ты мать»... Василий Яковлевич Горин постоянно стремится направить горячие родительские чувства из русла чрезмерной и подчас неразумной привязанности к собственному чаду в русло заботы о школе, о воспитании всех ребят. Каждому предлагает внести свою лепту в это важнейшее дело.

Да, школа и сегодня вносит вклад в общеколхозные успехи. Хозяйственные ее успехи весомы. Но главное здесь все-таки в том, что бессоновская десятилетка является кузницей местных кадров. Местных — значит, самых надежных, самых умелых, самых приспособленных трудиться на этой земле.

Грядущие качественные сдвиги председатель прямо связывает с нынешними школьниками. Заботясь о материальной стороне воспитания, колхоз «не откупается» от других, не менее важных воспитательных забот. Многое здесь труженики берут на себя. Чуть было не написала: многое делят со школой. В том-то и дело, что не «делят». Берут на себя, считая своей естественной родительской обязанностью.

Не одного «представителя колхоза», не одного родителя встретила я в тот день в школе. Увидела здесь бригадира токарей из центральных колхозных мастерских Геннадия Ивановича Гапоненко.

Сначала подумала, что пришел, потому что «вызывали», — знала уже, что учатся здесь две его дочки (кстати, младшая была с ним рядом, жалась к отцу худенькая второклассница, счастливо держала его за руку).

Но предположения мои оказались неверными. Гапоненко направлялся в школьные мастерские. Здесь мальчики с четвертого по восьмой класс занимаются по программе техническим трудом. Преподаватель труда Виктор Евгеньевич Гурьев сразу же передал бразды правления Гапоненко. Уроки закончились, и Геннадий Иванович пришел в мастерские, чтобы вести кружок.

Ребята не заставили себя ждать. Некоторые уже успели пообедать и стояли за станками, другие подходили к мастеру, чтобы получить задание.

— А как же ваша бригада? Взрослая-то? — спрашиваю я.

— Ну, они знают, что я иду к нашим мальчишкам. Поработают эти два часа без меня и за меня. Важнее школы — дела нет.

«Важнее дела нет». Гапоненко взялся вести кружок не без дальнего прицела. В колхозных мастерских существует «проблема станочников», кадров не хватает.

Кадровая проблема — одна из очень острых. Не случайно о ней говорил Горин на съезде. Да и в каждой беседе со мной не уставал повторять: все будет путем, все наладится, когда сложатся прочные местные кадры — с корнями, с традициями, привязанные к этому краю.

— Нынче кадры вам хорошие на тарелочке не поднесут. Нужны иногда годы, чтобы их подготовить. Идите в школу. Присматривайтесь. Убеждайте, что лучше вашего труда нет. Приучайте. Приводите на рабочее место — требую от специалистов. Они же — родители. Те самые, что будут печалиться, если опустеет сельский дом и замаячит перед ними одинокая старость. Помогайте друг другу. Ты убеди его Маню, он — твоего Ваню не спешить, присмотреться, попробовать сельский труд. Вдруг понравится?

Этим и занимается, по сути, Геннадий Иванович, приходя каждую среду сюда.

Помимо всей четко отработанной системы, помимо всех ступеней профориентации, нужно и это: непосредственный импульс от старшего к младшему, личное воздействие нынешнего колхозного труженика на тех, кто придет в хозяйство через год и через несколько лет.

Гапоненко работает не с выпускниками, не с девятиклассниками даже. Он вербует смену с детских лет.

Вот стоят они, мальчишки в двенадцать-тринадцать-четырнадцать лет у станков в защитных очках, в рабочей спецовке, напряженно вглядываясь в деталь. Приносят своему учителю горячую втулку, вместе что-то измеряют, вместе обсуждают чертежи, и видно, что ничего на свете в этот миг нет для них интереснее.

— Геннадий Иванович, — спрашиваю я, — а что они делают? Чем вы сумели их так «зацепить»? Кружок ведь дело добровольное. Могли бы на улице бегать.

— Что вы! Их и после двух часов с трудом отсюда выпроваживаю. Ну, сначала я посмотрел, что мои младшие друзья могут, на что способны. Что можно сделать на этих школьных токарных станках. Работали по хоздоговору — болты и шайбы. Обрели точность — предложил им сделать... мини-трактор. На

основе мотоцикла, мотор от него. Здесь такой трактор очень пригодится. Очень удобно обрабатывать пришкольный участок, расчищать близлежащую территорию.

Как загорелись мальчишки! Создать конструкцию не так и трудно, хотя пришлось головы поломать. Посидели, подумали, как и из чего делать. Но самое сложное: подогнать друг к другу узлы от разных механизмов. Здесь-то и нужно токарное мастерство. Вот и стали учиться. Шли от простого к сложному. Мальчишек подгоняло стремление создать что-то реальное, то, что можно увидеть и показать. Нужную вещь.

— Я прихожу в школу раз в неделю, — продолжает Гапоненко. — А в остальное время, бывает, ребята сами прибегают ко мне в мастерские. Мысль в голову пришла — поделиться. Или хоть постоять рядом со мной во время работы. Вижу, руки у них тоскуют. Думаю, что такие (а таких у меня человек шесть) когда-нибудь непременно придут в наши колхозные мастерские. Не завтра и не послезавтра. Через годы. Им и школу еще надо кончить, и армию отслужить, но приму их в свою бригаду с большой радостью!

Совет по коммунистическому воспитанию действует

Союз родителей и школы (то есть колхоза и школы) закреплен и организационно.

— О нашем совете по коммунистическому воспитанию слышали? — спрашивали меня в Бессоновке время от времени.

Председателем этого совета вот уже много лет является Василий Яковлевич Горин, его заместителем Валентина Николаевна Лазарева. Знала я, что совет этот действует и в нормальных, «спокойных» ситуациях, и в особых, тревожных случаях. К сожалению, на заседание совета мне не удалось попасть, не совпало с командировкой. Знакомилась с его деятельностью по протоколам.

В одном из них повестка дня значится так: «Отчеты начальников производственных участков о воспитании детей в семьях колхозников». Вот так: спрос не с педагогов (с них-то само собой), не с родителей (тем более!), а с руководителей хозяйственных звеньев.

На том — далеком уже — заседании речь шла конкретно о школьнике Юре. Тот Юра пропустил от осени до весны в общей сложности 113 уроков, плохо успевал по основным предметам.

Начальник участка сам побывал в семье Юры. Выяснил, что родители относятся к воспитанию безответственно, отец и мать выпивают. Мальчиком в основном занимается тетка, но не справляется с этой ношей.

Собравшиеся на совет спрашивали у начальника производственного подразделения, какие меры приняты были к родителям.

Кстати сказать, именно трудовой коллектив имеет в этом отношении куда больше реальных возможностей. Слова педагога не всегда действуют на тех, кто опустился, плохо ведет себя в быту. А руководство, правление колхоза, имеет реальные меры воздействия: скажем, лишить родителей годовой премии — а это крупные суммы. Потеря их весьма ощутима. Плохим воспитателям есть и помимо денег что терять. Льготные путевки в санатории и дома отдыха — тоже не для них. И туристические поездки «горят», если дома человек ведет себя недостойно и плохо воспитывает детей. В общественных местах и на работе с пьяницами и дебоширами уже давно покончено, а в семейной обстановке иные еще могут покуражиться. И здесь на них находит «укорот» совет.

Думается, сегодня такое вмешательство в «дела семейные» никому не покажется жестким или неуместным. В доме, где правит бутылка, кончается всякое воспитание, разрушается полностью родительская ответственность за растущего человека, и общество не может с этим мириться.

Как часто еще приходится сталкиваться с тем, что в цехе или на ферме знают «тихих», «домашних» пьяниц. Окружающие делают даже попытки защитить страдающих от попоек детей. Но душеспасительные разговоры на пьяниц, как известно, не действуют. Лишишь их премии — они и не заметят, десяткой меньше — десяткой больше. Вот если премия исчисляется в сотнях рублей или в тысячах... Подчас и горький пьяница задумается, пить или не пить. Так что у бессоновцев очень реальные рычаги воздействия. И опять-таки благодаря экономическим успехам, высокому материальному уровню жизни.

Другое заседание совета было посвящено тому вопросу, который меня особенно интересовал: профессиональной ориентации учащихся старших классов. И поворот темы был совершенно неожиданным.

Не захотели остаться работать в колхозе два парня-выпускника. Братья Филатовы. Оба — умелые трактористы, оба нужны хозяйству.

Собравшиеся «поднимали» одного за другим начальника щетиновской бригады, специалистов среднего звена. Вопросы задавались вполне конкретные: когда последний раз посещали школу? Кто последний раз беседовал с братьями? Кто их обучал? Как приучали к работе? В чем видится просчет? Какие выводы сделаны на будущее?

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ

Класс на ферме

О Надежде Яковлевне Власовой я уже слышала не раз. Похвалил ее Горин, перечисляя педагогов, которые особенно горячо и активно входят во все колхозные заботы. Тепло отозвалась секретарь партийной организации колхоза Валентина Павловна Карпенко. За нужное дело взялась и делает его очень интересно — таков был смысл сказанного. У Валентины Павловны дочь в школьном звене животноводов. Так что есть у партийного вожака взгляд на новое не только со стороны или сверху, но и изнутри: глазами девятиклассницы, входящей в производственную бригаду, имеет возможность посмотреть она на происходящее.

С Власовой сама я познакомилась накануне вечером, уже уходя из школы. Волосы цвета золотистой смолы, зеленоватые глаза. На молодом лице следы утомления — нелегкий рабочий день позади. Решили вместе: предварять рассказом поездку на ферму с учащимися не стоит. Лучше все сама посмотрю на месте.

— Приходите к автобусу утром. К подъезду школы. Отсюда и поедем все вместе на Бессоновский молочно-товарный комплекс.

У школьной бригады свой автобус. Получен как премия за отличную работу ученической бригады на ВДНХ. На нем мы и должны поехать на второй участок.

Ранним утром со всех сторон Бессоновки торопились к машине девичьи фигурки. Хоть и не доярка, хоть и «оператор машинного доения» называется та специальность, какой они решили овладеть в школе, а юноши в эту группу пока не идут. Бывает, в зрелые годы приходит на ферму мужчина, а в молодые... Нет, пока одни девочки занимали места в автобусе.

С интересом присматриваюсь: какая она, нынешняя сельчанка в шестнадцать лет? Как и предполагала: от городской девятиклассницы этих не отличить. Яркие вязаные шапочки, длинные шарфы, закрученные узлами на концах, вязаные яркие гетры. Несмотря на трескучий мороз, никаких пуховых платков, никаких валенок.

Плохо ли — хорошо ли, но мода нынче везде одинаковая, разносит мгновенно телевидение и эту вольную манеру — волосы из-под шапки, и даже движения, пластику, манеру смотреть вокруг, говорить.

Переговаривались девочки в автобусе мало. Не потому что стеснялись присутствия постороннего человека (то есть меня), а просто так в этом классе заведено. Именно в этом. Потому что, как сказала Надежда Яковлевна, у каждого класса словно бы своя

душа. У этого, девятого, не простая и не открытая. В другой день в этом же автобусике я поеду с десятым «на Чайки» (на свиноферму), и небольшое пространство салона наполнится песнями — местными, туристскими, теми, что репетируют во Дворце. Может, возраст другой. Год в это время много значит, старшими пройден сложный отрезок и сделан естественный шаг к простоте и открытости. А эти... Эти мои спутницы старательно играли какую-то всем полюбившуюся роль, перебрасывались репликами замысловато-ироничными, отрывочными. «Ну, подруга, у тебя вовсе не третья сумка за год» (что означало — что именно третья). Или: «Мы не опаздываем?», «Буренка извинит». Внешне равнодушные, внутренним напряжением они были прикованы друг к другу плохо скрываемым интересом. Те отношения, в которые постороннему вход запрещен.

Пока мы едем, Надежда Яковлевна рассказывает мне, как непросто было ей взяться за новое дело, поставить обучение школьников массовым животноводческим специальностям. И не только потому, что многое пришлось менять ей в собственной жизни. До этого преподавала биологию в школе. Дело, конечно, тоже беспокойное (школа есть школа), но отлаженное. Организация производственного обучения поставила перед ней немало трудных задач. Можно было, конечно, пойти по пути наименьшего сопротивления. Давать теорию в школе, а на практику эпизодически привозить старшеклассниц на ферму. Но что бы это дало? Не имея рабочего места, не привыкнув к труженикам фермы, девочки чувствовали бы себя экскурсантками.

— Такое уже бывало. Я (еще как биолог) привезу ребят на комплекс, а они по углам жмутся.

Дело ставилось основательно, капитально. Вышла Власова на правление колхоза с просьбой — помочь создать классы прямо на фермах. Так, чтобы привозить учениц сюда на целый день, чтобы здесь и теорию «начитывать», здесь же и практические часы отрабатывать. И, что тоже не последнее, сближаться с производственным коллективом, узнавать все порядки, до самых мелких мелочей. Встали сразу другие организационные вопросы: транспорт, питание...

— Обедаем в эти дни не в школьной, а в колхозной столовой, вместе с животноводами — с мамами и папами, братьями, сестрами.

Через два года, по мнению Власовой, любая из девушек легко и удачливо сможет работать на ферме не только потому, что получит необходимую сумму знаний, но еще и потому, что будет чувствовать себя на ферме своей — все знакомо, и все знакомы.

— За лето на МТФ для нас сделали пристройку — класс. Небольшое помещение, но наше.

Колхоз помог. Проблемы, однако, на этом не кончились. Как преподавать? Есть учебник для 9—10-х классов. Называется «Основы животноводства». Но авторы предлагают материал для общего и пассивного знакомства с отраслью хозяйства. Мол, побывайте на ферме, посмотрите, как корова выглядит.

— А мы на правлении решили: после двух лет специалисты аттестуют ученика. И к этому времени он должен быть готов к самостоятельной работе на рабочем месте.

Профессиональных же знаний в учебнике не дается: ни как составить рацион, ни как работать с доильными аппаратами; ни правил техники безопасности в нем не найдешь.

— Пользуемся «Учебником мастера машинного доения». Еще один источник практических знаний и навыков — сами животноводы. Правление обязало доярок-специалистов, администраторов помогать нам во всем. Да, впрочем, они и без этого никогда не откажут — объяснят, покажут, расскажут. Сами — родители.

Между тем автобус наш уже пришел к месту назначения.

Мои язвительно-молчаливые спутницы привычно проходят через ферму в свой класс.

Обычные столы, несколько шкафов, стопки специальных книг.

Девушки переодеваются. На ноги сапоги, сверху платьиц — халаты, клеенчатые фартуки — и за работу. Прибывшая группа по плану начинает свой учебный день сегодня с дойки. Я иду следом за девушками в доильный зал.

Ферма, на которую мы приехали, поначалу меня несколько разочаровала. Не новая, тесноватая. Вероятно, после детского сада и школы я и здесь приготовилась увидеть «нечто». И вдруг... самая обычная. Но через несколько минут я поняла: «нечто» и здесь присутствовало. Если считать, что это «нечто» — предельная забота о людях.

Проходим между рядами коров. Власова предупреждает:

— Не бойтесь. Животные абсолютно все смирные. Даже высокоудойную корову сразу же выбраковывают, если пытается ударить или бодается. Девочки некоторые поначалу остерегались, дома у нас коров держат редко, а теперь и думать забыли.

В четырех траншеях работали четыре доярки. Коровы сами заходили в станки, открывая при движении вперед дверцы, которые за ними автоматически закрывались. Дояркам не надо было сидеть на корточках. Доильные аппараты они включали, работая удобно, на уровне глаз. Рядом шланг с теплой водой,

которым предварительно обмывается вымя.

Ни кормить животных, ни убирать за ними, ни чистить их не входит теперь в обязанности доярок, а точнее — операторов машинного доения. Это дело скотников. Работа двухсменная. Первая смена с шести утра до двух, вторая с двух до десяти вечера. Животноводы могут теперь планировать свой день, как любой городской рабочий. Они ходят в кино, смотрят вечерние передачи по телевизору, ходят во Дворец культуры. Остается добавить, что за работу доярка получает в среднем 320—340 рублей в месяц, как иной руководитель крупного предприятия.

Девочки разошлись по траншеям, подменив доярок, ловко включились в дойку. Движения и быстры и привычны. Работа идет, ритм не нарушен. Можно выкроить время на беседу с Надеждой Яковлевной. Да и не только с ней.

Наставники

В пустом чистом классе, за стенами которого сразу же начинается иная, «взрослая», жизнь, мы сидим вдвоем с преподавателем. Минуты более близкого знакомства.

Надежда Яковлевна считает, что имеет полное право призывать девушек поработать на ферме после десятого класса. Сама начинала трудовую жизнь птичницей и вспоминает об этом с добрым чувством. Хотя разве сравнишь те условия работы и эти? Здесь у доярок остается столько свободного времени! Какая возможность интересно жить, продолжать учебу! А тогда крутились на ферме с утра до вечера. Сама она все же закончила сельхозтехникум, после — педагогический институт. И все это «на фоне некоторых трудностей»: сначала родительская семья, в которой четверо детей, после своя, в которой рос маленький сын.

И вот теперь новое дело, захватившее целиком.

Кроме того, что нормально поставлено обучение профессиям по программе, создано из школьниц звено животноводов, входящее в производственную бригаду.

— Сегодня в два часа дня не все девочки уедут с фермы. Двое останутся на вторую смену. После отдыха встанут в одну из траншей и проведут вечернюю дойку полностью. Они работают вместо четвертой доярки, получают ее заработок. Такая работа выпадает нечасто: каждой приходится потратить на труд лишь один вечер в неделю. Это и общественный, комсомольский долг, и приработок (в месяц юная доярка зарабатывает рублей 20—30). И опять-таки — познание профессии в ее будничном и рабочем варианте.

Надежда Яковлевна говорила мне, что никогда не сумела бы выстроить всю эту систему трудового (и уже — специального, профессионального) обучения без помощи правления колхоза и специалистов.

— Сами родители, значит, обязаны...

В класс заглянул молодой мужчина.

— Вот видите, легок на помине, — засмеялась Власова. — Один из специалистов, Жорж Андреевич Череда, ветеринарный врач.

— Надо мне проводить занятия? — спросил Жорж Андреевич после обычных приветствий.

— Конечно, конечно, как договорились.

И, обращаясь ко мне, Власова объяснила:

— После дойки девятиклассницы идут в изолятор. В изоляторе больные и ослабленные животные. Жорж Андреевич

знакомит девочек с особенностями ухода за такими коровами. Девятиклассницы уже кое-что знают. Маститную корову, например, сразу увидят. Умеют лечить мастит.

После этого мы познакомились с заведующей фермой Раисой Кирилловной Кущенко. Раиса Кирилловна — зоотехник-селекционер. Она тоже проводила занятия с девочками, рассказывала о тех породах, которые перспективны в местных условиях, о том, как формируется колхозное стадо.

А еще, и это было видно сразу, Кущенко — просто очень добрая и заботливая женщина. Что-то исконно материнское угадывалось во взгляде, в той нескрываемой теплоте, с которой «начальница» говорила о школьницах.

Надежда Яковлевна после скажет о помощи со стороны Кущенко:

— Не знаю, что бы я делала без нее. Ведь я ухожу спокойно с фермы. Знаю: будут здесь работать девочки — будет с ними рядом Раиса Кирилловна. И ничего не случится: коровы будут выдоены, как положено, и никаких ЧП.

Из-за того, что на ферме работают юные, каждую вторую смену бывает здесь заведующая. Изо дня в день. Это ее вклад в общее дело воспитания и обучения, и она делает его легко, естественно.

Надежда Ивановна Тимофеева — заведующая лабораторией. И, как и другие работники фермы, — педагог. Она провела занятия с ученицами, показала, как определяются жирность молока, его чистота и кислотность.

О Татьяне Николаевне Протасенко — разговор особый. Она из тех, про кого говорят «огонь». Высокая, яркая, живая, черноглазая, темноволосая, «цыганистая». Только у нее, наверное, пуховая косынка может так ладно сочетаться с авиационной кожаной курткой — все объединяется темпераментом. Говорит быстро. Очень охотно вступила в наш разговор о настоящем и будущем нынешних старшеклассниц.

— Оператор хорошо, а осеменатор — лучше. Кому что важно, а мне надо смену растить. Случись, заболею — что со стадом будет?

Планов у Протасенко столько же, сколько энергии, — много.

— Ну, а пока... Пока, — говорит она, — знакомлю девочек с принципом искусственного осеменения, с технологией. Может, кто заинтересуется. Если нет — для общего развития.

Надежда Яковлевна Власова говорит, подводя итог, что это «общее профессиональное развитие» у старшеклассниц получается очень широким. В прошлом году в колхозе была создана экзаменационная комиссия, аттестовавшая выпускниц —

операторов машинного доения. Бывшие десятиклассницы продемонстрировали знание дела в системе, во всей сумме взаимосвязей.

— Грамотные, умные доярки получились. В Солохах на новой ферме работают сегодня все семь человек из прошлого выпуска. И работают не просто старательно, но и профессионально, умело. Совсем не понадобилось времени на вхождение, освоение, адаптацию.

Но даже если девушки не собираются становиться дояркими, все равно труд на ферме не пройдет даром, без следа для развития личности.

Надежда Яковлевна подтверждает наблюдения педагогов и психологов, что для некоторых подростков практическая деятельность, физическая работа просто необходимы. Школа ведь дает возможность проявиться далеко не всем качествам интеллекта и дает ограниченный набор навыков. И очень часто самые яркие возможности растущего человека раскрываются за пределами школьного класса.

— Скажем, не дается девочке математика или «не идет» русский, и живет она долгие годы с ощущением неудачи. Как это плохо влияет на характер!

И дальше шел рассказ о Лиде Мазаловой. В школе у девочки были успехи ниже средних. А пришла на ферму, и все удивились — какая сообразительная. Как умно, толково работает. Именно Лиду выбрали звеньевой. Самоутверждение на глазах изменило девочку. Все привыкли, что она молчалива до угрюмости, скованна. И вдруг... Веселая, настойчивая. Каждой однокласснице сто раз позвонит, напомнит о дежурстве, проверит, кто как работает. Появившаяся уверенность помогла девочке и в школе — лучше стали отметки по другим предметам.

— Ну, а все-таки, как нынешние девятиклассницы? Собираются здесь работать? — спрашиваю я.

— О, это все сложно, — ответила Власова. — Ну, начните хотя бы с этого, чтобы понять, как все неоднозначно. — И она протянула мне толстую тетрадь, подвешенную в обычное время за ленточку к гвоздику на стенде.

Слова, написанные и высказанные

Тетрадь оказалась своеобразным дневником группы. На корочке большими буквами написано: «Мое мнение». Здесь каждый пишет, когда хочет и что хочет. Круг тем — о работе, специальности, постановке дела на ферме, организации обучения. Подпись вовсе не обязательна, анонимность в данном случае не зазорна.

«Рада, что получаю профессию. Я хочу здесь работать. Хотела бы видеть этот комплекс преобразованным, а все доильные залы ярко освещенными. Попраздничнее!!!»

«Очень хорошо, что мы получаем за свой труд деньги. Добавка к маминому заработку. Даже там, где этот заработок достаточно велик, свои деньги все равно нужны. На поездки, на шапочку, на духи».

«Плохо закрывается на моей траншее дверца, когда корова входит в доильный цех». Замечание вполне деловое, человека, заинтересованного в происходящем.

«Мне нравится, что нам читают лекции все колхозные специалисты, а председатель Василий Яковлевич Горин тоже часто приходит сюда, интересуется нашими успехами. Впечатления со знаком плюс».

«Здесь работать совсем не трудно. Интересно. И даже приятно — кругом хорошие люди. Но я каждый раз работаю со страхом — а вдруг что не так? Может, мне нельзя работать с животными? Или это будет везде такое чувство, на каждой работе? Или пройдет?»

Я вопросительно смотрю на Власову. Что имела она в виду, давая мне тетрадь? Замечания в пределах нормы. Она перелистывает еще страницу. А, вот о чем!

«Не нравится запах. Работать здесь не хочу и не буду».

Что ж, вольному воля. А Надежда Яковлевна рассказывает, как болезненно переживает подобные высказывания Василий Яковлевич. Председатель даже собирался провести со школьниками своеобразную экскурсию в близлежащие города. Показать, что запах «присутствует» на многих промышленных предприятиях, а платят за труд далеко не везде так щедро, как в Бессоновке. Да и бытовые условия позволяют от запахов быстро избавляться: в каждом доме есть горячая вода и ванная.

Но дело, оказывается, не только в этом.

— Знаете, многие из тех, кто пишет о труде, о ферме этой даже очень тепло и хорошо, пока оставаться на ней вовсе не собираются. Впрочем, поговорите сами.

Девочки не очень охотно, но соглашаются побеседовать со мной. В конце концов беседа пошла нормально: им любопытен каждый новый человек. Хочется не столько услышать, сколько высказаться, на ком-то «проиграть» свои мнения, предположения. Порисоваться, наконец!

Наташа Годовченко на МТФ работала рядом со своей мамой, дояркой Любовью Петровной Годовченко.

— Наташа, маме работа нравится? Она работой довольна?

— Если бы не нравилась, она бы не работала, — чуть резко отвечает девушка. Резкость эта еще не раз ощутится мною как невидимая преграда. Но здесь я не захожу за грань первого знакомства, «не лезу в душу». Хотя с полным внутренним правом узнаю, что живут Годовченки очень близко от молочно-товарной фермы. Что заработки родителей высоки, вполне их устраивают. Что дома никто и никогда не высказался применительно к Наташе «против коров».

— Наташа, а вы останетесь работать на ферме, если представится такая возможность?

— Нет.

— Что-нибудь есть на примете другое?

— Нет.

— Что-либо не нравится в работе?

— Нравится. Но это не мое. Я не успеваю, я медлительная.

Ну, насчет «не успеваю» — здесь что-то не так. Кокетство? Наташа только что первой закончила дойку и получила полновесную пятерку за сегодняшнее практическое задание. Да и вообще об ее умении собраться, стать быстрой, когда надо, мне уже рассказывали.

Наташе незадолго до моего приезда вручили медаль за спасение утопающего. Именно за находчивость, быстроту реакции, смелость, самоотверженность. Весной, когда подтаял лед, по пруду, что близ Наташиного дома, проходил шофер. Лед под ним раскололся, и мужчина попал в полынью. Наташа кормила собаку, когда услышала крики о помощи. Тут же схватила лестницу, веревку — и к воде. Мужчина вылез, но лед обломился под Наташей. Она выкупалась в ледяной купели, и ее уже спасал шофер и другие люди из ближайших дворов.

«Медлительная»... Есть в Наташе некоторая погруженность в себя. Любит читать. В основном читает фантастику. То, что зовет медлительностью, — скорее всего мечтательность, наличие внутреннего неспешного мира с окном в не ясное пока ей будущее.

Галя Шацкая совсем другая. Шустрая, не задумывающаяся над ответами, не претендующая на то, чтобы казаться

интересной. Откровенная и, как нынче говорят, «без комплексов». Галя недавно приехала в Бессоновку из-под Курска вместе с родителями. Мама у Гали — тоже доярка на этой ферме (в изоляторе). И тоже очень довольна заработками, не имеет ничего против того, чтобы дочь после десятого класса поработала в колхозе. Условия труда женщине кажутся хорошими.

Но Галя собирается поступать в институт торговли.

— Почему?

— Да просто.

С каждой беседой убеждаюсь, что на сегодняшнего ученика влияет не только ближайшее окружение. Что существует-таки, реально существует незримый список профессий, расположенных одна над другой в соответствии с престижными, подчас ложными совсем, подчас имеющими реальные основания в нынешней действительности, ценностями. Как и в городе, престиж торговых вузов в селе сейчас очень высок. Разумеется, Галя вовсе не рассчитывает на «сверхблага», блага незаконные. Она прекрасно понимает, что получать в промтоварном магазине она будет раза в два меньшую зарплату, чем на ферме. Но... Пожинайте, товарищи родители, издержки дефицита. Ассортимент тканей, платьев, обуви в бессоновском универмаге (сама видела) оставляет желать лучшего. Что может купить там такая вот модная и красивая девочка, как Галя? Даже при хорошей возможности заработать? Вот и кажется девушке, что красивая, интересная жизнь начинается там, где есть «все». В свои годы она еще не осмысливает даже реальный факт: мама ее, в Курской области работавшая в торговле, в Бессоновке к этой торговле не рвется.

Я еще долго буду думать над этим неумением видеть то, что происходит близко, под носом. Совмещается это с удивительным даром ощущать то, что носится в воздухе повсюду. Этот девятый класс был для меня маленьким барометром общей нашей погоды: все потепления и все сквозняки, все плюсы и минусы нашего общего хозяйствования (в масштабах страны! не меньше!) нашли здесь свое выражение. Так же, как и повороты «педагогических раздумий», официальных и неофициальных наших родительских уроков. Такое уж нынче время: не дает оно никому защиты от всех влияний. Ничто не создашь изолированно: в колхозе ли, в школе или в классе.

Кстати, боком всем нам выходит и та самая «романтика», которой долгие годы кружили мы головы молодым. Что-нибудь. Где-нибудь. Что-то, не признающее четких очертаний.

Разговорилась со Светой Галичей. У девочки уже нажит свой нелегкий опыт поисков. После восьмого класса она поехала в

Белгород, поступила в строительное ПТУ.

— Хотелось увидеть, как там живут.

Через пару месяцев вернулась девочка в Бессоновку. Трудно было привыкнуть к общежитию, отчаянно скучала по дому, по маме, по одноклассницам и одноклассникам, по учителям. С трудом забрала документы из ПТУ — не отдавали, с трудом догоняла свой класс. Программа в училище другая, выходило, что целую четверть она пропустила. Словом, как сама Света говорит, «натерпелась».

Сейчас, получая профессию оператора машинного доения, Света работает рядом с мамой. Маме на МТФ нравится, Света тоже не может привести ни одного довода против получаемой специальности. Но...

— Останешься после десятого класса здесь?

Отрицательное движение золотистой головой.

— Нет.

— А куда?

Девочка горестно молчит, а после с трудом, прерываясь, объясняет:

— Ну, в городе у меня не получилось уже. Так уж буду искать здесь.

— Чего искать?

— Хоть что-то новенькое. Вот достроится в нашем колхозе комбикормовый завод, туда схожу.

Ну что здесь скажешь? Возрастные особенности? Неразвитость социального сознания?

Одна из тех, кто прекрасно осваивает основы животноводства, делилась со мной мечтой стать... путешественницей и побывать в Сибири и пустынях юга. Другая взахлеб рассказывала о профессии стюардессы. Третья хочет стать декоратором.

Я долго раздумывала над природой такого головокружительного полета мечты, снова и снова удивлялась ее полному отрыву от реальной действительности, от реальной ситуации.

Уже вернувшись из Бессоновки, перепроверяла свои впечатления, разговаривая на ту же тему — кем быть? — с городскими столичными старшеклассниками. Эти были, на мой взгляд, более точно нацелены на будущее, чем их сельские сверстники. Были ребята неопределившиеся, но они это отчетливо сознавали. Но большинство из тех, с кем беседовала, неплохо представляли приглянувшуюся профессию. А некоторые — вполне конкретно, могли сказать, сколько смогут получать, работая электрослесарем, шофером или педагогом, каким

свободным временем будут располагать.

Как отнестись к полному отсутствию здорового практицизма у моих бессоновских собеседниц? (Говорю именно о девушках, юноши судили о будущем более здраво хотя бы потому, что впереди у них армия — «А там посмотрим».) Думаю, это явление должны оценить социальные психологи, а я могу предложить в качестве трактовки лишь собственное, возможно спорное, мнение.

В принципе мечтательность — проявление естественного порыва юности испробовать свои силы в неизведанном, любой ценой расширить свои горизонты. Черта возраста, давно зафиксированная общей психологией, психологией личности.

В это время судьбы людей, живущих вокруг, кажутся подросткам однообразно похожими. В эту пору еще не осознается, что похожесть эта внешняя, только внешняя, ведь по внутреннему содержанию жизнь сельчанина часто бывает куда богаче и наполненнее, чем жизнь горожанина (одно повседневное общение с природой, вечно меняющейся и обновляющейся, чего стоит!). Можно только завидовать постоянству дружеского и родственного общения, какую нельзя гарантировать в большом городе.

Надоедает юным и то, что «давно известно», — село, окрестности, молодые еще не ощутили могучую тягу этого изученного до мельчайших деталей места на земле, которое зовется Родиной.

И вот возникает нечто вроде бунта против привычного — уехать, сменить все, выбрать дело непривычное и экзотическое даже. Но как своеобразно проявляется это юношеское «томление духа» в местных условиях! При внешней неожиданности замыслов, все они похожи. Тем, что не мотивированы, случайны, ни в одном не улавливаются подлинные интересы, склонности, особенности личности, ее истинная воля. Почему?

Не так давно вычитала в дневниках Федора Абрамова, писателя, прекрасно знавшего современное село, поначалу удивившую меня мысль. Писатель незадолго до смерти своей писал, что село и сегодня «не работает на личность»: «И в деревне нашей по-прежнему высший закон — общественное мнение».

Влияние сельского, всегда немного «общинного» образа жизни, сложившегося в замкнутой и сравнительно небольшой системе (не то что город!), пока велико. Ведь и сегодня в деревне нет анонимности, вся жизнь идет на виду у других, все судьбы переплетены, все люди друг от друга зависят.

Да, все еще давят стереотипы поведения, извечное «все, как у всех»: это хорошо, а это плохо, это красиво, а это — нет.

Сегодня, при растущем динамизме существования, эти оценочные ориентиры, конечно, расшатываются, становятся менее

жесткими, и все-таки... Не принято здесь пока считать удачным выбор профессии доярки или электрика, свинарки или механизатора, не принято — и все. Десятилетиями считалось: остаться в колхозе — значит потерпеть поражение, спасовать перед судьбой.

Инерцию преодолевают извне, улучшая условия жизни. Но окончательно преодолеть ее можно только изнутри.

Ведь, говоря со старшеклассниками, я не могла не заметить: не умеют юные прислушиваться к себе, вглядываться в себя, вынашивать свое, собственное мнение. Парадокс: у каждого, с кем я говорила, была, по сути, неограниченная свобода выбора. Денег дома у всех хватает. Свободу действий нынче родители не пресекают. Поезд довезет куда угодно. Но воспользоваться возможностью взрослые дети явно не умели. Коли можно уехать, вкусить иной жизни — значит, надо? Куда? Зачем? На эти вопросы они не были готовы ответить. Первая заявка личности о себе — и такая незрелая. «Я существую», «Я решаю», «Я хочу»... А дальше — совсем неуместное, невообразимое.

А может, лучше без непродуманных экспериментов?

Подчас жизни стоит сказать свое самое тихое, самое некатегорическое «за» в пользу колхоза, и это «за» срабатывает.

Как правило, сразу остаются в колхозе юноши. Тот самый год перед армией, когда «все равно не стоит затеваться», решает выбор в пользу родной Бессоновки. За это время ребята волей-неволей входят и в коллектив, и в работу. Заведомой привлекательности неизведанного уже противостоит внутренний интерес к делу, его занимательность — то творческое начало, которое в нем есть, или возможность профессионального совершенствования. Позже в чужих краях юноши имеют возможность сравнить, увидеть, что иная природа, люди, труд менее для них привлекательны, чем свое, родное, знакомое с детства. Словом, после армии многие возвращаются в родной колхоз.

Несколько лет назад председатель лично предложил первым дипломированным (подготовленным школой на ферме) десятиклассницам поработать по своему профилю — доярками, показать, на что способны, и на новой, только что сданной ферме в Солохах создать молодежный коллектив. Пообещал Горин, что будет для них специально неподалеку от фермы выстроено общежитие, и обещание было выполнено. Ключ к душам был подобран верно. Во-первых, сработало столь высоко ценимое в это время «все вместе» — сила привычки друг к другу, привязанность, дружба. Во-вторых, глубоко, за всеми поисками — скрытое желание не выпасть из общего ряда, не оказаться хуже других, а

здесь — все на равных. К тому же открывалась и желанная возможность испытать свои силы в деле, поработать самостоятельно, без опеки старших. И — рядом дом, родители. Все выпускницы пошли на МТФ, все работают здесь. Шестеро — доярками, одна девушка — учетчицей.

Но с большинством девчат, как я убеждалась, все не так просто. Покидают село поначалу почти все. Многие возвращаются. Кто-то, потерпев первое крушение в личной жизни. Кто-то, убедившись в том, что специальность, выбранная умозрительно, не подошла, не нравится. Надо ли говорить, что встряска при этом получается сильная, наживаются «синяки и шишки», душевные травмы.

Выходит, не столь уж безобиден инфантилизм, недобор «личностного начала» в юные годы. Что может послужить формированию самоуважения, личного достоинства, понятия предназначения и верности себе? Только общение с умной книгой, искусством, высоким, заставляющим думать. Или же влияние крупной личности. Не каждый педагог-воспитатель способен ускорить процесс духовного созревания подростка. Родителям подчас не хватает времени, подчас гуманитарной культуры, знаний; некоторым педагогам — умения использовать все имеющиеся возможности для «строительства» мировоззрения у воспитанников.

Около двух десятилетий назад в Бессоновке работал (к сожалению, очень недолго) известный наш педагог Михаил Петрович Щетинин. Что-то не заладилось тогда у него в отношениях с некоторыми членами колхозного правления, поспешил, уехал. Сегодня многие, вспоминая об этом, судят так: бессоновским ребятам и так повезло, рядом с ними живет и работает такой замечательный человек, как Горин. Две огромные фигуры, две личности такого масштаба — вроде и роскошь.

Согласна, школьникам есть у кого учиться любви к Родине и своему народу, самоотверженному труду на благо односельчан. Но воспитание — это ведь и те тонкости, та глубина отношений к жизни, которые возникают в повседневном общении воспитателя и воспитанника. Каждому растущему человеку нужен не только идеал, но и учитель жизни, тот, что рядом.

Читатель может спросить меня: как же быть с тем наглядным неопровержимым фактом, что именно в селе формируются люди своеобычные, нестандартные, даже если нет в школе таких педагогов «высокого полета», как Щетинин? Обычное, диалектическое противоречие жизни: потому и появляются, что каждый растет в постоянном силовом воздействии коллектива, односельчан. Иногда — вопреки растет, иногда — аккумулируя «токи».

Как только человек попадает из несколько все же тепличных школьных условий в условия рабочие, его становление идет необыкновенно быстро. И доказательством тому вот что. Я не слышала в Бессоновке ни об одной трагедии неприкаянности. Зато знаю немало городских ребят, которые, не достигнув первой своей цели, теряют веру в себя, «ломаются», долго и трудно социализируются, подчас до тридцати лет «ищут себя», меняя не раз и коллективы, и профессии.

В Бессоновке этот процесс происходит и жестче и проще. Не задалась жизнь и работа где-то, молодые юноши и девушки возвращаются домой и нормально работают у себя на родине. Все приходит в равновесие: самооценки, притязания и возможности. Ошибок не происходит уже потому, что здесь больше доверяют своему «зеркалу» — окружающим. Здесь с первых шагов жизни

все знают друг друга. Смешно на глазах у «дяди Феди», «тети Маши» и прочей изумленной публики изображать, скажем, непризнанного гения от музыки или поэзии. Иди на сцену, пой, читай стихи, во Дворце культуры односельчане послушают тебя. И не жалуйся, что «не додали». Так к 20—22 годам происходит самоопределение. Остается одно — работать в силу своего умения, возможностей, что молодые и делают. Высшей ценностью становится сам труд и признание односельчан.

И вот что в этой ситуации хорошо. Обмануть здесь никого невозможно. Зато обратить на себя внимание сравнительно легко. Только трудись самоотверженно и честно — здесь все виднее. Старание — тоже. Несколько лет проработал в Харькове Сережа Бабич. Неплохо, наверное, трудился, но кто его знал в большом городе? А вернулся в Бессоновку, стал механизатором и уже в первый год получил благодарность за труд, бесплатную путевку на отдых заслужил.

Итак, где они, беспредметные мечтания вчерашних выпускников? Их нет, никто о них не жалеет. Так, может, и не стоит говорить?

Стоит. Хотя бы потому, чтобы показать: в этот период, на этом срезе — перед выходом в большую, рабочую жизнь — видна некоторая задержка в развитии личности, и она не безобидна.

Еще одно соображение о том, что удлиняет дорогу сельских ребят к отчему дому.

Колхоз делает очень много, чтобы закрепить за собой ребят. Практически все, что можно.

И если КПД этой работы еще не так высок, как хотелось, ищите в этом наши общие недоработки.

Что значит «наши»? — спросит иной читатель. Причем здесь «мы»? Пусть бессоновские мамы и папы убеждают своих сынов и дочерей оставаться дома — в долгих и теплых, как говорится, доверительных беседах.

Убеждают. Просят. И молят. И плачут, чтобы не покидали, не уезжали. Обо всех этих домашних воспитательных беседах так хорошо и так подробно говорили мне мамы-доярки на МТФ, где проходили практику девочки. И Годовченко, и Галичая. Добавляли:

— Не слушают.

В наш век стремительных скоростей, переездов-миграций, телевизора и прочее, и прочее что-то случилось с домашней педагогикой. Растворились двери в мир, в жизнь. И если не стать нам воспитателями всем миром — не убедить «тихую» девочку Свету: «Сиди дома!»

И потому председатель, выступая с высочайшей трибуны,

вновь повторял: «В жизни все взаимосвязано». А еще укорял центральное телевидение за то, что специально жителям села адресована, по существу, только одна передача — «Сельский час». Один час в неделю!

— А за стол-то мы садимся не меньше трех раз в день, — со свойственным ему юмором заметил Василий Яковлевич.

Продолжу его мысль: видели вы в городе памятник колхозному председателю? Выставку, рассказывающую о селе?

Не для того совсем, чтобы городские ребята хлынули на фермы и поля. Чтобы сельские, приехав в город, не думали, что праздник жизни только здесь.

Престиж сельских профессий растет год от года, но медленно. И здесь в долгу перед сельскими ребятами все мы, наше общество.

ПЯТЫЙ ДЕНЬ

«Рубашка» на вырост

В этот день я должна была для себя расшифровать вывеску, которая висела у входа в Бессоновскую среднюю школу, — «Учебно-воспитательный комплекс».

Я, конечно, в общих чертах уже знала, что это такое. Знала, что Белгородская область около десяти лет назад выступила инициатором создания таких комплексов, и сейчас их на Белгородщине насчитывается более ста.

Комплекс — это когда все работают вместе и в одном направлении. Когда под одной крышей объединяются музыкальные, спортивные, художественные, хореографические школы и студии, принадлежащие разным ведомствам: учреждениям культуры, спорткомитетам, отделам народного образования.

И все для того, чтобы по единому плану заниматься воспитанием ребят. При этом (не надо быть опытным прогнозистом — любому ясно) улучшаются условия внеклассной работы, появляется возможность воспитывать детей всесторонне, развивая способности и задатки.

Не случайно в «Основных направлениях реформы общеобразовательной школы» записано: «Дальнейшее развитие внешкольных учреждений — Дворцов, Домов пионеров, станций юных техников и натуралистов, туристов, спортивных, музыкальных, художественных и хореографических школ, детских библиотек, пионерских лагерей — должно привести в перспективе к созданию в каждом районе комплекса внешкольных учреждений с широким спектром направлений деятельности.

Важно охватить всех учащихся разнообразными массовыми и индивидуальными формами воспитательной работы во внеучебное время.

Следует поставить дело так, чтобы школа стала центром активной воспитательной работы в микрорайоне. Вовлекать в эту работу родителей, общественность, трудовые, в первую очередь производственные, коллективы».

Итак, мне предстояло немного опередить нынешний день, увидеть воплощенной в жизнь одну из моделей завтрашней школы.

Председатель Горин объяснил, что все это произошло абсолютно естественно. Как только наладились в колхозе экономические дела, выросло материальное благополучие, стало ясно, что надо резко поднимать культуру. У людей появились

деньги и время. В связи с улучшением технологии на производстве произошла и экономия обычных жизненных сил. Во что-то это должно было вылиться? Ну, купили машины, обновили бессоновцы мебель, многие вселились в новые дома. Назревали перемены в общении, в стиле, образе повседневной жизни.

— Мы почувствовали, что прежняя «рубашка» нам как бы мала. Выросли! — объясняет Василий Яковлевич. — И когда начали создавать на Белгородщине комплексы, мы сразу включились.

Колхоз предоставил музыкантам, художникам, танцмейстерам рабочее помещение (да и не только рабочее, как я увижу позже; жилье специалисты культуры и тренеры тоже получили в первую очередь), создал условия для занятий с детьми. Словом, началась в Бессоновке совсем новая жизнь.

Короткая продленка

Бессоновская школа по проекту рассчитана на 450 человек. Занимается немного больше — около 500. Почти 400 находятся на продленке. Кроме самых старших ребят (из девятых-десятых классов), после звонка с последнего урока никто не уходит домой: до пяти часов ребята живут в школе. Здесь они обедают, отдыхают, ходят в технические кружки и на факультативы и, что в данном случае самое главное, занимаются музыкой, танцами, спортом, живописью.

Кончает работу общеобразовательная школа — открывается школа искусств.

Ни разу не ощутила я того томительного неуюта продленки, от которого часто убегают дети домой, предпочитая стать «ребенком с ключом на шее». Когда все тот же класс, все тот же стол, все те же уроки, названные самоподготовкой... Какими же длинными кажутся дни!

Здесь продленка, по моему ощущению, была «короткой». Жизнь ребят шла разнообразно. Школа умно перестроила свой ритм в связи со спецификой жития.

В школе по программе ведь тоже положены уроки пения, музыкальные задания, рисование — все это есть. И все это приспособлено для того, чтобы «перебить» нагрузки от других предметов, требующих предельного интеллектуального напряжения.

Еще во время первой смены — общеобразовательной — врывался в организованную и серьезную школьную жизнь ветер иных, вольных занятий. Веселые перебивки! Они помогали расслабиться, отдохнуть, сбросить разом груз усталости.

На большой перемене все младшие классы вдруг сбежались в рекреацию на первом этаже. Без особых приготовлений, без немыслимых требований «Стойте прямо!», «Стойте ровно!» малыши стали петь массовые песни, одну за другой. Издавна знакомую «Солнечный круг, небо вокруг...» и другие. Они пели, и распрямлялись плечи, веселели лица.

Иногда эти семь минут отдаются ритмике. Так исподволь, незаметно начинается приобщение к музыкальной и танцевальной культуре.

Сразу после уроков, после обеда полтора часа классы проводят на улице. Санки, лыжи или просто снежки — все подходит. Немного занятий уроками на завтра, и снова коллективные, общие дела. Веселые.

В этот день я видела, как ребята второго класса разучивали

музыкальную сказку «Ку-ку». Несколько действующих лиц: Аленушка, Бабушка, Дрозд, Ворон, Кукушка, Волк и хор. Сказочная история, как клубочек привел девочку к бабушке, как помогали ей лесные звери, предупреждая об опасностях, разыгрывалась в лицах. Музыка, танцы, движение, игра — все это было ребятам явно по душе, захватывало их.

«Корова» ползала на четвереньках, а остальные вволю хохотали. Потом пели «Уж как я свою коровушку люблю», изображали лес, шумящий тревожно и страшно, птичек, рыбок.

В игре шло незаметное обучение и научение чувствовать, сопереживать другому, давалось немало сведений о природе, обреталась ловкость, артистичность.

Вела эту игру воспитатель продленной группы Вера Алексеевна Алексеева. Она молодой педагог, недавно закончила Институт культуры. Владея и хормейстерским искусством, аккомпанируя ребятам, сама, казалось, с наслаждением включалась в общее действо. А уж ребята!

Игра подходила к концу, и класс постепенно рассыпался, как горох. Ребята шли на занятия в школу искусств. Воспитатель продленки в курсе, кому куда: «Ира — в музыкальную аудиторию», «Дима, бери краски».

В Бессоновке сложилась интересная ситуация, противоположная среднегородской. В городе мамы и папы озабочены, куда бы пристроить ребенка. Возьмут ли в спортсекцию, если «не перспективный»? Примут ли в музыкальную, если слух не абсолютный? Здесь все по-другому. На каждого ученика кто-то из педагогов второй смены претендует.

Каждый класс полностью прослушивают музыканты, смотрят хореографы.

Наиболее одаренные ребята приглашаются в классы фортепьяно, домры, гитары. Не все могут играть на инструменте, но большинство поет в хоре. А тут параллельно и хореографы, и художники «смотрят» первоклассников (а то — и старших детсадовцев).

Говорят, и, наверное, справедливо, что неодаренных детей нет. Важно вовремя определить, кто и чем одарен от природы. В Бессоновке мимо таланта не пройдут.

В два-три раза больше (в процентном отношении) ребят в этом селе занимается музыкой и танцами — по сравнению с областным центром.

Надо отдать должное и родителям. Они тоже включились в поиск «талантов». Может, потому, что дело это в здешних краях сравнительно новое. Может, чтобы занять подросших детей. А может, просто у каждого есть возможность купить и дорогой

инструмент, и хорошую «музыку» в дом, а уж краски с мольбертом — тем более. «Хочу, чтобы дочь пела», «Хочу, чтобы сын рисовал» — подобное мне приходилось слышать часто. Кроме того, многие родители и сами по вечерам отправляются во Дворец культуры. Более 500 колхозников участвуют в самодеятельности.

Итак, во второй половине дня в Бессоновском комплексе вступают в свои права музы.

В изостудии, как и положено, тихо. Сосредоточенно работают ребята разного возраста. Натюрморт. Учебный рисунок. На всех листах появляется один и тот же «глечик» — кувшин. Тот же и не тот же — увиден он разными глазами.

В хореографическом классе два педагога разучивали со старшими ребятами какой-то очень замысловатый танец. «Разводы», «переплетения» — все это немного путалось, преподаватели нервничали. Всех «поджимали сроки», номер нужно было где-то и кому-то показать. Словом, отрывать от работы их не хотелось — можно перейти и во владения музыкальной школы.

Из аудитории доносились те разрозненные звуки, которые свидетельствовали: здесь еще только начинают, разучивают, еще только идут к слитности и синтезу, а пока...

Приоткрыли одну из дверей — нас улыбчиво, приветливо пригласили зайти.

Извинились. Зашли. И здесь проблема.

Пока девочка продолжала брать ноту за нотой и тихо себе подпевала, разучивая несложную мелодию, мы знакомимся с Ириной Ивановной Горбатовской. Неброским изяществом она напоминает курсистку начала века: рыжеватые вьющиеся волосы, белая кофточка, строгий костюм. Должность ее звучала вполне внушительно:

— Заведую в Бессоновской музыкальной школе фортепьянно-теоретическим отделом.

Опыт за ее плечами уже был. Охотно рассказала о себе.

Несколько лет назад она закончила музыкальное училище и как хорошая ученица получила распределение в одну из школ Белгорода. Вполне удачно преподавала там все эти годы. Вышла замуж. А вот квартиры не было. Когда предложили перебраться в Бессоновку, сначала колебалась: все-таки село. Правда, недалеко от областного центра, и главное — жилье. Поселились здесь, и оказалось, что не просто удобно, но и очень интересно жить.

— Вы знаете, главное — работать можно. В той, городской, школе мы жили очень тесно и ...бедно. Нет аудитории, нет инструмента. Занятия срываются — нервничаешь. А здесь? Что

еще нужно?

Ирина Ивановна прошлась чуткой рукой по клавишам. О! Какой звук! Сама выбирала. В средствах правление не отказывает. А дети... они везде — дети. Есть очень одаренные.

— Вот девочка хорошая.

Мы подходим к той, что сейчас разучивает урок, поближе. Девочка берет ноту за нотой пухлой, еще совсем младенческой, но уже «поставленной» ручкой. Не совсем «поставленной», потому что Ирина Ивановна на миг сжимает ее «лапку» в своей руке и, подержав, словно сообщив какой-то внутренний импульс, вновь выпускает на клавиатуру. И снова тоненько, старательно девочка поет о маленькой елочке, которой холодно зимой.

Взгляд на часы — урок окончен. Перемена.

Я спрашиваю шестилетнюю Лену Бараковскую, которая начала ходить в музыкальную школу раньше, чем в первый класс:

— Леночка, кто у тебя мама?

— Мама — Галя. — И подумав: — Она нянечка в нашем садике. А папа — Коля — он тракторист.

Не буду скрывать, возник у меня этот вопрос: нужно ли сельских ребят почти с младенчества учить музыке, танцу, пению? Сможет ли девочка, привыкшая часы проводить за роялем, позже охотно пойти на ферму, стать дояркой или свинаркой? Не дезориентирует ли ее школа?

Но после, вернувшись в Москву и прочитав в «Литературной газете» диалог известного критика-литературоведа с известным педагогом (диалог был посвящен именно этому вопросу — нужно ли сельчан так активно приобщать к разным видам искусства?), вдруг устыдилась. За себя и немного за критика. За всех тех, кто считает: кому-то от роду положены высокие радости, кому-то — нет. Равные возможности — значит, равные.

И все-таки проблема здесь была. Но, как после выяснилось, совсем другая.

Разумеется, я не пыталась выяснить, кем хочет стать Леночка — мала она для таких разговоров. Но мне хотелось понять, как смыкается ее будущее с нынешним днем.

Да, конечно же, занятия искусством помогают развитию, соглашалась я, и, может, даже взрыву духовных, эстетических потребностей. Но и запросы какие рождаются при этом! Как быть с ними?

Вновь возвращаюсь к диалогу в «Литгазете». Педагог ратовал за «игру возможностей и способностей», литературовед возвращал его на грешную землю: не лучше ли в деревне думать о том, чтобы дать людям больше хлеба, молока и мяса?! Педагог говорил о всестороннем развитии личности — критик

остерегался, что сельские парнишки и девчонки кинутся к мольбертам и роялям, возомнят себя Рафаэлями, Моцартами. Критик волновался: где мы сможем тогда «подхарчиться»?

Как по-разному смотрятся одни и те же явления извне и изнутри! В Бессоновке расхолаживающего влияния искусства никто не боялся.

Лазарева сразу согласилась со мной лишь в одном — программы нынешних музыкальных школ нацелены на тех, кто после восьми лет пойдет в училище, а то и в консерваторию. Учреждениям культуры, по ее мнению, надо как-то дифференцировать занимающихся в музыкальных восьмилетках и иметь какой-то массовый вариант программы. Для общего развития. А в остальном... Нет, педагогам все эти занятия не только не внушают тревоги, но кажутся вполне естественными.

В беседе с Гориным я тоже задела эту проблему — видно, затем, чтобы окончательно убедиться: не стоит бояться «переразвить» сельских ребятишек.

— Вот, Василий Яковлевич, видите, ваши выпускники все больше к искусству тянутся, — не без «подковырки» говорила, вызывая на спор. — Трое поступили в последние годы в музыкальные заведения, четверо подались в хореографию, двое стали художниками-профессионалами.

Председатель отвечал:

— Не трагедия. Во-первых, работники культуры свои нам тоже нужны. Во-вторых, уж коли перерастут наши, сельские, возможности, сочтем по-государственному: талант — дело редкое и, значит, всенародное. Из наших мест еще граф Шереметев певчих, актеров набирал и в столицы увозил. Насильно мил не будешь.

Не силой и не путем сужения возможностей человека собирается двигать вперед родной колхоз умный председатель. Пусть разовьется личность, да в полную силу, в полную меру. А после из всего прекрасного на свете выберет свою землю — тогда и жди работы, жди отдачи!

И посоветовал:

— А вы посмотрите, как живут люди. Те, что с запросами. У нас ведь много таких, окончивших все эти школы — художественные и музыкальные. Чувствуют ли себя неудовлетворенными, несчастными?

Так я и решила: кое с кем из них, вчерашних школьников, познакомиться и поговорить. Кое с кем из их родителей. Чтобы понять, как отозвалось в современном селе массовое приобщение к искусству.

ШЕСТОЙ ДЕНЬ

Без «комплексов»

Пожалуй, больше, чем все теоретические рассуждения о «пользе прекрасного», меня убедил случайный разговор с одним из колхозных специалистов, отцом двух детей. Разговор доверительный — «не для печати», поэтому фамилию своего собеседника назвать не имею права.

— Вы знаете, какую отцовскую задачу я ставил перед собой, когда родился первенец? Вырастить сына человеком... уверенным в себе. До сих пор не могу забыть свою юность. Попав в институт, не мог преодолеть какого-то странного чувства второсортности. Нравится девушка, а подойти не могу — она «городская». Приду в парикмахерскую — стесняюсь сам себя, чем-то неуловимо отличаюсь от харьковчан. И костюм, и обувь — «те», а скованность выдает, напряженное выражение лица, робость. Впрочем, все это описали замечательные «деревенские» писатели Василий Белов, Валентин Распутин.

Мой собеседник вел речь о том «сельском комплексе», который родился не сейчас — в те времена, когда за работу с колхозниками расплачивались палочками в ведомости, когда в шестнадцать лет деревенским ребятам не давали паспортов, чтобы не подались из села в город.

Рос мой мальчишка. Ждал я той поры, когда наступит время «внушать» ему чувство достоинства. Пригляделся... А необходимости нет.

И как ни странно, отношу это в основном на счет... самодеятельности. Сын мой в танцевальном ансамбле занимался. То здесь выступает, то в область едет. Все время на людях, все время среди людей. И красота вокруг, и почет окружает.

Свободный внутренне вырос парень. Ему что город, что село — везде такому хорошо.

Отложил я свои «нотации». Колхоз мою работу выполнил, разделался с «комплексом сельской неполноценности».

«Что-то красивое...»

Утром я познакомилась с оператором машинного доения Любой Бовди. Я выделила ее из других тружениц МТФ еще раньше, в тот первый раз, когда была здесь с классом, с девятиклассницами.

Какая-то удивительная праздничность отличала молодую женщину. Она не натягивала на себя резинового фартука, дойку провела в светло-бежевом льняном халатике, и после работы он остался таким же чистым, как был. На воротничке халата были вышиты цветочки — не то гвоздички, не то фиалочки, вышиты вручную, с явным желанием украсить и без того красивую одежду.

Когда за доярками приехал автобус — отвезти всех на обед, я снова залюбовалась Любой. Худенькая, стройная, она вышла к машине словно бы не с фермы, не после трех-четырехчасовой дойки, а из парикмахерского салона или из ателье. Подкрашены губы и ресницы, на голове меховая шапка, пальто с пушистым меховым воротником, на ногах сапожки на каблуке.

Что я узнала о Любе? Что работает она хорошо и вообще «очень перспективная» в своем деле. Что кончила она местную школу лет пять назад. В ту пору вся система эстетического и художественного воспитания, конечно, еще не обрела нынешней своей завершенности, но уже и живописью Люба интересовалась, и музыкой занималась.

— И что, — спрашиваю я, — захотелось прийти именно сюда, на ферму?

— Нет, — смеется Люба. — Я и думать никогда не думала, что буду доить коров. Тянуло... к чему-то красивому.

Люба поехала в Белгород, окончила училище декораторов-цветоводов. И работала по специальности, украшала цветами областной центр.

Но жизнь вносит свои коррективы в жизненные планы. И подчас приходится выбирать не из того, что хочется, а из того, что она, эта самая жизнь, предлагает.

Люба вышла замуж. В областном центре нужно было бы годы перебиваться в общежитиях, а здесь их с мужем ждал родительский дом.

— Правда, недостроенный, достраиваем мы сами. Деньги сами зарабатываем. Муж тоже пошел на ферму работать. Здесь в конце года мы сразу получаем крупную сумму.

Рассказывая о своем доме, Люба загорается:

— И шторы купили красивые. И мебель уже кой-какая есть,

обои подберем, покрасим. Так приятно все для себя делать самим и своими руками.

Я пытаюсь выяснить, на что еще уходит тот запас, что получен в школе. Спрашиваю, не считает ли, что зря в юности приобщалась к музыке, живописи?

Люба удивляется: как же, мол, без этого? Они с мужем в колхозном хоре, и это все очень важно. Без этого было бы жить просто скучно.

Вечер у Чурсиных

А вечером организатор внеклассной работы Ирина Николаевна Коротченко обещала меня повести в «обычную молодую семью». «К моим друзьям зайдем на часок», — сказала молодая учительница.

Мы идем с ней к одному из тех первых домов городского типа, которые здесь почему-то именуют общежитием (не коттедж, конечно, но и не общежитие — каждая семья имеет полноценную отдельную квартиру).

И та, в которую мы пришли, была похожа на все однокомнатные квартиры, которые я видела и в Москве, и в других городах. Большая кухня, хорошая комната. Приметы лаконичного молодежного уюта. Шторы в полоску, салфеточки, керамические вазочки, чашки. Из дорогих вещей — только радиосистема.

Музыка — как нынче без нее! Сначала она идет тихо, фоном, сразу ясно — здесь привыкли под нее жить и работать. После громко и чисто звучат для нас записи: классический джаз, итальянская эстрада, песни в исполнении Аллы Пугачевой.

Честно сказать, пришли мы не очень удачно. Не было хозяйки — она внезапно уехала в областной центр по делам. Светлана (а точнее — Светлана Филипповна) — учительница, историк. Педагог молодой, но уже имеющий авторитет и у ребят, и у коллег-учителей. Муж, Виктор Михайлович Чурсин, работает в колхозе электриком.

Но кто знает, может быть, при Светлане мы не услышали бы романтическую историю любви, которая свела двух людей, а она тоже важна для понимания уровня личности того человека, который нас принимал. Светлана училась тогда в педучилище и приехала на свою первую практику в школу, Виктор же был десятиклассником. Между учителем, даже если он совсем молодой, и учеником — дистанция огромного размера, каково было ее преодолевать?

Виктор рассказывает нам, как скучал по Бессоновке и по Светлане, когда служил в армии. Служил-то он на Севере, где от снега белым-бело, а во сне ему снились заросли сирени, снилась Бессоновка. Одолевали весенние запахи и соловьиные трели.

Надо отметить, что встречал нас, нежданных гостей, молодой хозяин привычно и по-современному. Когда мы пришли, был он дома с товарищем, инструктором-методистом по спорту Сережей Козловым. Видно, разговаривали, слушали музыку. Для нас быстро организовали чайный стол. Ничего другого не предлагали

не только потому, что пришли женщины, а просто не держали — не заведено. Это ощущалось без пояснений. Виктор красиво, умело нарезал сыр и хлеб, подал варенье из рябины. Сразу видно было, что здесь супруги не делят обязанности, это раз. И во-вторых, гости бывают в доме часто. И это, как говорится, не проблема. Так и оказалось.

— У нас со Светой детей пока нет, а музыка есть, — смеется Виктор. — Даже цветомузыка, сам соорудил. Чуть что, все к нам и сбегаются. Посидим, послушаем новые записи, потанцуем, попоем.

— Без горячительного?

Виктор поначалу, мне показалось, даже не понял.

— А, водка? Не тянет. Нет... В основном приходят свои ребята, из школы педагоги и с работы моей. А у нас, в группе электрики... Ну все интеллигенты.

«Все интеллигенты»... Мне вспомнилось, что примерно в той же тональности — легкая гордость плюс уверенность — именно это выражение употребил в разговоре со мной председатель. Узнав, что я еще не добралась до свинокомплекса, он сказал:

— Вам бы понравилось. У нас ведь там все интеллигенты работают. После школы приходят.

Если тут и там возникают на производстве «гнезда» таких вот умных, действительно интеллигентных людей — ведь это хорошо!

А я между тем расспрашиваю Виктора о том, о сем. Сколько зарабатывает? По здешним понятиям не так и много — до 200 рублей в месяц. Мог бы сесть, скажем, на комбайн и заработать больше? Мог бы. Но пока денег хватает. Все, что надо, имеют, больше — ни к чему.

В отношении к жизни — никаких потребительских мотивов. И все-таки, а что это значит — «все есть»?

Есть небольшой огородик, подспорье в хозяйстве и так, чтобы отдохнуть, покопаться. Когда весной цветут липы — такая благодать! Если надо куда поехать, колхоз всегда даст путевки, льготные и бесплатные. Ну, а на пленки, книги и одежду двух зарплат вполне хватает.

Работа электрика Виктору больше всего нравится своей нестандартностью. Объем дел все растет. Построили в колхозе ферму — надо электрифицировать. Сколько здесь всегда возможностей сделать лучше, быстрее, умнее, неожиданнее, экономнее!

Виктор рассказывает, как дружно электрики провели ревизию насосной станции, как ремонтировали двигатели отопления — трудная зима прошла без сюрпризов. А еще монтаж линий, оборудование сеялок... На технику приходит электронная

«начинка», так что его профессия — самая-самая перспективная. Любая работа — всегда сначала загадка для головы, а после задача для рук. Дело свое сам выбрал и ни на какое не променяет.

Да и коллектив сложился отличный. Много молодежи. Виктора выбрали электрики своим комсоргом. Старается относиться к своим обязанностям неформально, и это очень даже интересно.

Мне не надо было спрашивать, чем Виктор увлечен еще, кроме работы. Музыкой! Конечно же, музыкой! Кстати, я вспомнила, что видела его на концерте, на отчетном собрании — он выступал в составе вокально-инструментального ансамбля.

Виктор, как и многие его сверстники, одновременно с общеобразовательной школой окончил в Бессоновке и музыкальную.

— Говорят, есть некоторые способности, была даже проблема: не пойти ли в музучилище, — рассказывает Чурсин.

Выбрал профессию «обычную», но музыка не ушла.

— Виктор, есть возможность не только слышать, но и видеть то, что хочется? Здесь?

— Ну, как у всех. Что-то видишь. Чего-то — нет.

Виктор перечисляет концерты, на какие колхоз закупал билеты и возил бессоновцев в Белгород и Харьков. Пугачева и Ротару, Боярский и Жанна Бичевская, Лещенко, «Самоцветы», «Земляне»...

Но главное для Виктора — это иметь возможность самому играть. А эта возможность есть.

— Вы видели нашу технику во Дворце? — спрашивает он.

Сознаюсь, что не очень понимаю. Тогда он мне пытается объяснить, чем хороша стереосистема «Регент» и для чего нужна еще другая — «Венец». И как это здорово, что колхоз приобрел современный электроорган, который стоит восемь тысяч.

Виктор подобрал в ансамбль ребят из школы (большинство из седьмого фортепьянного класса), и вот все свободное время проводят в репетициях.

— Без этого, кажется, просто не мог бы жить.

Я шла в гостиницу по синему ночному снегу. От дома Виктора она близко. Не успела толком глотнуть зимнего воздуха, задержалась у двери — подышать перед сном и подумать.

Над головой забытое звездное небо. Луна в радужных, «морозных» кольцах.

И мысли идут ясные, отчетливые.

Правы учителя, прав председатель: коли появилась возможность дать людям прекрасное, приблизить его — надо это делать. Не стоит бояться, что все возомнят себя Моцартами.

Духовные порывы гигантской силы — редкость.

А художественное воспитание сказывается прежде всего в сфере быта, как у Любы Бовди. Разве это не творчество — сделать свой дом нестандартным, удобным, красивым?

Ни Люба, ни Виктор не будут жить как придется, не потерпят бытового бескультурья у себя дома, в своей семье.

А разве не отразится это на качестве труда?

Вспомнился Виктор. Высокий, в толстом шерстяном светлом свитере, с хорошим и умным лицом. Такой «качественно» живет — и в работе он должен быть вдумчивым, обязательным, собранным. Такому всегда можно доверить самое сложное дело — сделает по «законам красоты».

Значит, не зря она действует, школа искусств. Значит, нужна здесь.

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ

Люда Шинкарева ставит вопрос

Так уж вышло, что этот день до предела заострил одну из важнейших проблем воспитания — проблему реализации творческого начала в человеке. И он же подсказал пути ее решения.

Сначала я встретилась с девочками, осваивающими специальность свиноводов — массовую животноводческую профессию, столь нужную в Бессоновке и соответствующую профилю хозяйства.

Все было примерно так же, как с поездкой на молочную ферму. Снова бригадный автобус, снова фигурки, стекающиеся к нему поутру со всех сторон села. Но на сей раз мои спутницы — десятиклассницы. Видно, год в эту пору стоит многих. Трудный возраст совсем позади, девушки серьезны, просты, открыты. Взрослые люди. Две подруги, как я узнала, уже создали семьи, вышли замуж. Дружно сели в автобус, затянули песни — их много, общих и туристских, и местного сочинения, и тех, что разучиваются в хоре.

Занимались десятиклассницы интенсивно, не тратя времени на разговоры. А после не спешили по домам.

Говорить с ними было просто, легко.

Беседа шла в классе, после того как мы вернулись из цеха воспроизводства.

Свинокомплекс на меня произвел впечатление куда большее, чем молочно-товарная ферма. Та напоминала виденные раньше. А здесь...

Здесь можно было ходить между станками в сапогах или даже в туфельках: сухие дорожки посыпаны белой известкой, как, впрочем, и чуть наклонный пол в самих станках. В каждой выгородке умиротворенно посапывает чистая (чистая!) огромная свинья-мама, а невдалеке кучкой лежат на теплом подогреваемом коврике под лампой рефлектора крохотные поросята. По наклонному полу навоз скатывается в желобки между станками и тут же смывается водой. В редких случаях свиновод чистит пол скребками, насаженными на длинные палки. Пресловутый запах есть, но он не столь въедлив, как на прежних свинарниках. Свиноводство очень рентабельно, и поэтому зарплата свиновода, работающего смену — восемь часов, — очень высока, в среднем составляет 350 рублей.

Словом, работа вполне нормальная, такую можно предложить любому выпускнику школы.

Снова вопрос: освоив специальность, пойдут ли после школы

на свинокомплекс? Девочки задумались.

После решила за всех ответить Люда Шинкарева.

— Школа вместе с колхозом, — говорит она, — готовит из нас грамотных, умелых свиноводов. Мы все знаем о животных, умеем ухаживать за ними, составлять рационы, выхаживать малышей.

Сначала нам боялись полностью доверить дело. Но этим летом вышло, что несколько свинарок заболели, а другие должны были поехать на экзамены. И вот нас позвали сюда на работу. По-настоящему трудились. И зарабатывали, как взрослые.

Ну, конечно, очень это все тревожно, когда отвечаешь за поросят, они такие хрупкие, беспомощные. Но физически совсем не трудно, и условия хорошие.

Все ли устраивает? Люди? Да, люди здесь очень приветливые, за свое дело переживают и нам помогали. «Только, — девушка хочет точнее сформулировать свои требования к труду свиновода, — только все... очень просто. Да, именно просто. — И уже твердо говорит: — Хочется творчества. Чтобы была трудная цель, и к ней идти. Чтобы в работе содержался момент поиска, разнообразия, красоты. Ведь нас десять лет учили думать».

Что я могу сказать девушке? Я ведь и сама всегда считаю, что самое большое счастье — знать «одной лишь думы власть». Удача, когда можешь реализоваться в своем деле, когда способности совпадают с устремлениями. В семнадцать лет и надо хотеть именно такого для себя!

На помощь пришла Надежда Яковлевна Власова:

— Вы знаете, сегодня к нам придет Григорий Семенович Походня. Воспользуемся этим, спросим у него, применительно ли слово, понятие «творчество» к труду свиновода. Вы его знаете, он лукавить не станет, поговорим обо всем откровенно.

Немного о том, кто на вопрос отвечает

Первый раз я увидела Григория Семеновича в зале на отчетном собрании. Темноголовый, черноглазый, он выделялся резкостью красок и черт да еще тем, как внимательно, «погруженно» слушал всех выступающих.

Мне показал его и редактор районной газеты «Знамя» Юрий Алексеевич Чубуков.

— Вон там, — кивнул на первый ряд сбоку, — сидит лауреат премии комсомола, начальник цеха воспроизводства на Чайках. Присмотрись при случае обязательно. Человек интересный. Ученый нового типа — не кабинетный. Кандидат биологических наук. Кстати, находится в творческом отпуске, пишет докторскую.

«Что ж, очень здорово!» — подумала я.

Я и просила Власову познакомить меня с Походней. Если, конечно, это не нарушит его личные планы.

— Да что вы, — сказала Надежда Яковлевна, — Григорий Семенович всегда готов помочь в любом деле. На свинокомплекс он все равно каждый день заходит. Сегодня здесь и десятиклассницы, и вы. Конечно же, он будет. У Григория Семеновича свои дети, еще маленькие, правда. Но он из самых активных наших родителей, для школы готов сделать все, что может.

Вот так вышло, что вопрос, которым десятиклассницы ответили на мой вопрос, я переадресовала специалисту, лучше знающему не только свиноводство, но и местные условия жизни, и девочек — с ними он проводил несколько плановых занятий по программе (по просьбе все той же Власовой).

Вблизи Григорий Семенович показался еще моложе, до сорока ему еще далеко. Сел за учительский стол, повторил:

— Так, значит, творческое ли дело — свиноводство? — Задумался. А после в черных — без дна — глазах появился азартный блеск.

Не побоюсь ответ назвать настоящей лекцией. Чувствовалась дисциплина ума, даже на слух была очевидна логика ответа. Видно было, что и проблема не совсем неожиданна: то ли уже ставили перед ним, то ли сам себе отвечал на подобный вопрос. Ну, а уж о владении материалом говорить не приходится. Здесь он был на высоте.

Я и не заметила, как прошли те полтора часа. Или два. Или того больше.

Ступени творчества

— Задумаемся, что же это такое — творческий труд? — так начал он. — Определения можно давать разные. Но имеется в виду всегда одно: труд, который захватывает, который приносит удовлетворение и радость. В принципе момент творчества, я уверен, есть в любом деле, а в нашем, животноводческом, больше, чем в каком-либо. Мы, люди, живые, имеем дело с живым — с организмом растущим, развивающимся, меняющимся день ото дня.

Есть один очень серьезный общественный предрассудок: деление труда на творческий и не творческий. Один вид деятельности, мол, сам по себе интересен, другой — скучен. Это отражается на престиже профессий. Работать в кино — это «о!». Работать на свиноферме... «у!». Но я бы делил все по-другому. Есть люди творческие, а есть — не приобретшие или растерявшие от лени и нелюбознательности этот прекрасный дар жизни. Так вот, первый и необходимый уровень творчества начинается с простого стремления сделать свою работу хорошо. Не просто как надо, а как только можно хорошо — отлично, блистательно.

Вы присмотритесь к нашим лучшим свинаркам. Все они выполняют одни и те же предписания. Надо кормить животное тем-то. И тем-то кормят. Но как по-разному! Как «обыгрывают» они этот самый положенный рацион, сколько у каждой секретов!

И вы знаете — это так захватывает. Бывает, зайду в свинарник, наблюдаю за работой оператора полчаса, а меня и не видят. Бывает и такое: уйдет свинарка в отпуск, а сама все на рабочее место приходит — как там, не распался налаженный ею порядок?

Второй уровень творчества, вторая его ступень — это когда человек выходит за рамки своих прямых обязанностей и хочет увидеть все дело в целом и что-то изменить в нем к лучшему.

В человеке таком сильно гражданское начало. Трудится он не за страх, не за деньги, а просто хочется ему что-то еще дать людям. Кроме того, что по должности положено. Я думаю, что таких людей много, их большинство. Не из хвастовства, а ради истины скажу, что и во мне это начало есть. Здесь важно, чтобы зерно упало на хорошую почву. Не поймут тебя окружающие или начальство, и закрепится извечное «моя хата с краю». Сам-то я в институте никогда не думал заниматься свиноводством, науки о свиньях и не ведал. Просто так вышло. Приехал сюда на практику — понравилось то, что любая удачная мысль подхватывается. Увидел в хозяйстве огромный пробел: откорм налажен, а

воспроизводство ведется по старинке. Решил кое-что улучшить здесь. Одно дело потянуло сотни других, одна мысль — еще многие. Так вот счастливо и «увяз».

Возможностей для усовершенствования везде много. Вот посмотрите. Наука рекомендовала делать для свиноматок станки размером 120 на 215 сантиметров. В такой загородке свиноматка поворачивалась, давила поросят — они же крохотные и хрупкие. Уменьшили станки, сделали скобу, под которую поросята подлазят и которая мешает свинье двигаться. Резко увеличилась сохранность стада, высвободили часть производственных площадей. То есть, не строя новых помещений, стали получать мы больший приплод, увеличивать свинопоголовье. Каждый станок стал для колхоза стоить на сто рублей меньше. Тысячи, сотни тысяч рублей мы смогли дать хозяйству благодаря небольшим усовершенствованиям.

Другой пример: раньше стали отнимать от свиноматки поросят. Я вам об этом говорил на занятиях. Тоже — выгода. Тоже — экономия. А за всем этим и поиски, и эксперименты. И творчество в его высоком значении.

Долгое время меня не оставляло удивление во всех этих случаях: как же раньше об этом люди не подумали, почему не сделали — ведь решение близко вроде бы? Чуть подумай, поищи, проверь — и вот оно. На этом недоумении я нечаянно и «въехал» в науку. Сначала опубликовал одну статью в специальном журнале — хотелось, чтобы и другие люди знали, как работать лучше и легче, после — другую.

Когда близлежащие резервы были исчерпаны, захотелось копать дальше, задумался о том, как рациональнее поставить искусственное осеменение. Почувствовал, что не хватает уже моих институтских знаний, появилась настойчивая необходимость учиться дальше. Благо, публикации были, я и отправился в Москву.

Меня, человека от дела, приняли особенно внимательно. Известный академик говорил со мной два часа при первом знакомстве. Знал он, конечно, во много раз больше меня, но говорили мы с ним все же на одном языке: одни и те же проблемы волновали нас. Словом, понимание полное. Стал я готовиться к экзаменам. Особенно трудновато было вспомнить немецкий. Но в аспирантуру заочную поступил.

Диссертация мне далась нетрудно. Я твердо знал, какой практический результат мне нужен от всех моих теоретических поисков. Материал экспериментов уже был. Вы, наверное, слышали, что оформить работу труднее подчас, чем защитить. Так оно было и для меня. Поставил перед собой цель: в день

делать две странички, не меньше. Случались дни, когда просто не было минуты сесть за работу, когда в свинарнике, в цехе приходилось быть до глубокой ночи — наверстывал после.

Защита прошла хорошо.

Не скрою, меня звали на научную работу, в исследовательский институт. Не потому, что я такой нужный. Нужны мои знания, мой практический опыт. Как говорил мне один «советчик» из научного центра, на моем багаже целая лаборатория может существовать годы, а уж мне — до пенсии их хватит.

Но мне вовсе не нужно «доживать» до пенсии. И я не собираюсь отрываться от источников моих замыслов — от этого самого цеха воспроизводства свинопоголовья.

Причем мне не хотелось, чтобы вы думали, что наукой я занимаюсь «доморощенной». Нет. Исследования провожу на уровне клетки. Морфология, биохимия, органическая химия — дисциплины, с которыми имею дело, вполне «тонкие».

К чему все это я рассказал вам? Не для саморекламы. Просто, чтобы доказать простую, для меня абсолютно ясную мысль: творчество — это прежде всего расширение горизонтов самого человека, это его естественное восхождение от простого к сложному, это нормальный путь развития, не требующий «крутых поворотов». Работать надо, и творческий импульс возникнет. Нет труда — не будет и творчества.

Мы еще долго сидели в классе на Чайках (так называется место неподалеку от Бессоновки, где расположился цех воспроизводства, так зовется и сама эта ферма для молодняка).

Девочки задавали вопросы. Интересно, что вопросы эти на сей раз не касались «будущего вообще». Десятиклассницы выясняли конкретные детали конкретной человеческой судьбы, конкретного мировоззрения, мироощущения.

Походня был очень искренен, откровенен, ему верилось до конца. И это была лучшая беседа о выборе профессии, какую мне когда-либо приходилось слышать.

Если бы бессоновские учителя и руководители колхоза были склонны к излишней отчетности, в какой-либо из своих документов они с полным правом могли бы включить в графу «профориентация» и это «мероприятие». Но в том-то и дело, что такая отчетность здесь никому не нужна, а подобной беседой никого здесь не удивишь. Просто старший делится своим опытом с младшими. И это не только разговор о профессии — разговор о жизни вообще, о каких-то самых основополагающих ее принципах. Разговор, который выходил за рамки любого запланированного мероприятия. Так отец может беседовать с детьми, так старший брат делится мыслями с младшими своими братьями и сестрами.

Григорий Семенович попрощался, сел в свою машину. Она еще побуксовала на скользкой, заледеневшей улице и скрылась вдали. Походню ждали заботы: и диссертация, и собственная семья, и собственные дети.

А девочки долго в тот вечер не могли расстаться. Пищи для сердца и ума было больше чем достаточно. Обсуждали, спорили, пересматривали свои взгляды, отстаивали прежние.

Задумались. В этом возрасте так важно вовремя задуматься всерьез.

ВОСЬМОЙ ДЕНЬ

Главное — то, что в душе

Вот и пришла пора прощаться с Бессоновкой...

В ночной темноте, точнее ранним-преранним утром, зажигаются окна председательского кабинета. В семь часов уже «наряд» — ежедневная планерка, которую Горин проводит в очередь с главными специалистами, а еще раньше, в шесть, он уже, как часы, на месте. Надо спланировать день, подумать в тишине. В это же время приходят в правление те, кому надо срочно поговорить с Василием Яковлевичем по личным или рабочим делам. И так — из года в год.

Я, хоть и встала рано, в правление не пошла. С председателем попрощалась накануне. Вечером к нему нагрянули журналисты, он беседовал с корреспондентом центральной газеты, и я попросила разрешения принять участие в разговоре.

Речь шла все о том же — каковы нынче рычаги общественной активности» как сделать каждого колхозника рачительным и умным хозяином земли. Сам Горин, как всегда, сформулировал эту задачу образно и точно. Рассказав, как еще мальчишкой получил выволочку от дяди за то, что ударил кнутом лошадь, он говорил:

— Вот так бы к земле, к поросенку, к трактору, к станку в ремонтных мастерских относились — как настоящий крестьянин к лошади относился, а? Чтобы и берегли, и боль чувствовали. Понимали — свое это. Наше.

Пути к этому? Организация труда, конечно же, должна быть соответствующей пробуждающей заинтересованность. В колхозе имени Фрунзе много лет назад появились первые хозрасчетные звенья. И уже много лет труженики соотносят свой труд, конечный его результат и заработную плату. Рачительность — это прекрасно. Но ее одной мало, чтобы сказать: вот человек, который нынче на земле нужен.

Горин приводит факты: заработает иной передовик тридцать — сорок тысяч, положит на книжку — и спадает трудовой пыл.

Значит, к организации труда, к разумности хозяйственного механизма надо прибавить что-то в душе. В сознании. Любовь к этим местам, к этим людям, что трудятся рядом. Общую цель.

Научно-техническая революция идет, а человеческий фактор остается фактором номер один. В нем и успехи заложены, и поражения. Так что растить человека — это самое важное, и надо это делать всем вместе.

Вновь и вновь об этом напоминает Горин. И далеко не всем он доволен.

С горечью рассказывает Василий Яковлевич о таком факте.

Молодой пахарь, вчерашний выпускник школы, победил в конкурсе трактористов. Радоваться за своего, бессоновского, паренька надо — и Горин радовался. Отлично посеял парнишка горох, отлично поработал на посевной.

Но вот председатель возьми да и спроси у передовика, какого он ждет урожая. Парень смутился: «Не думал, не знаю». Даже приблизительно не представлял, чего можно ждать от земли, от поля.

— Значит, для себя старался. Если бы работал для людей, обязательно бы прикинул. И к земле равнодушен. Настоящий крестьянин, хозяин, и земля-кормилица — единое, неразрывное, друг про Друга они многое рассказывают.

И снова — о неумении видеть «общечеловеческие» возможности улучшить жизнь — те, что на глазах, те, что рядом. Нынешние старшеклассники и колхозные комсомольцы, как все молодые люди во все времена, любят танцы. Есть свой оркестр, свои ансамбли. Но во Дворце культуры дискотеку устроишь не всегда, танцы — тоже. Дело за малым — нужна танцплощадка, на которую собиралась бы молодежь в теплое время. Но никто не догадался предложить: давайте сделаем. А так ли это трудно? Расчистить место, заасфальтировать. Поставить скамейки для музыкантов, осветить. Пустяки по местным условиям, сущие пустяки.

Горин называет все это «потребительскими настроениями». Не взять организацию дела на себя, выждать, когда за тебя и для тебя это сделают другие. Что ж, и впрямь потребительская позиция.

Когда председателя спрашивают, как работают в колхозе вчерашние школьники, выпускники Бессоновской средней, Василий Яковлевич, не задумываясь, отвечает: «Отлично, почти все — отлично». И приводит примеры. Трудовая активность, как правило, сочетается с активностью гражданской, социальной. И на рабочем месте, и в общественной жизни человек проявляется ярко. Вот хотя бы Оля Торопова. Она и доярка, лучшая в области, она и депутат районного Совета, представитель местной власти. И вот осталась в селе отличница Валя — ныне Валентина Николаевна Карпенко — колхозный секретарь, бессменный партийный вожак.

Так, может, и проблемы нет? Придут выпускники на фермы и поля, окажутся перед лицом конкретного дела — проснется активность, наберет свою высоту личность (тем более что для этого немало делается и школой, и семьей, и колхозом. И когда-нибудь обязательно скажется).

Все это так. Но куда уходят золотые годочки «от шестнадцати и старше»? И для личности плохо, если ее развитие затягивается, замедляется. Наберет ли предельную высоту? И для общества потери — ведь и молодые годы могут и должны быть созидательными. А потерь председатель не терпит. Ни в материальном исчислении, ни в духовном.

Под этим углом зрения и я оценивала теперь школу, по-новому вглядываясь в течение обычной жизни.

Поистине «в жизни без проблем не бывает». Прекрасная, такая удобная для детей «продленка» — и снова вопросы! Один из первых, кстати, — не слишком ли удобная?

Мы с директором школы Валентиной Николаевной Лазаревой заходим в школьную столовую. Меню для вершины зимы очень даже разнообразное. Винегрет. Суп гороховый. Котлеты с картошкой и капустой. Компот из сухофруктов. На полдник еще кисель и коржик. И вот эти коржики оставались на столах в больших количествах. Свежие, сладкие, вкусные. Кто-то надламывал, кто-то надкусывал, а кто-то даже не прикоснулся. Не голодные.

Валентина Николаевна обращается ко мне.

— Вы убедились, работают наши учащиеся много и хорошо. И все равно от потребительских настроений не застрахованы. — Показывает рукой на нежеланные коржики. — Понимаете, образовались перекосы. Иной парень за лето сам рублей триста заработает. Что ему наши бесплатные обеды? Копейки! Вроде так, мелочь. Зато входит в сознание: кто-то должен, даже обязан дать. Отменить эту самую бесплатность? Вроде с какой стати? В труднейшие времена кормили своих детей, а в хорошие перестали? Тоже логики нет.

И Валентина Николаевна предлагает свое (пока свое только, но уже нашедшее понимание у председателя колхоза, у педагогов, у многих родителей) решение проблемы.

— Мы и сейчас все наши блага отрабатываем школьным коллективом. Ну, если не все, то значительную часть. Даем доход колхозу. А что, если сделать школу хозрасчетным звеном? Школьники будут знать, что на обеды сами заработали — это ведь важно, такое знание, верно?

Ученические общественные организации — комитет комсомола, совет дружины — будут знать, как складывается и приход и расход. Задумаются подчас: надо ли, скажем, заказывать коржики? Или даже жестче: имеют ли право? Заработали ли на сладкое? Пусть учатся считать.

Вторая проблема, которая волновала директора школы: не слишком ли спокойны в Бессоновке родители? Сначала детский

сад, после школа берут на себя все заботы о детях. Ребята возвращаются в дом вместе с матерью и отцом, одновременно с ними. Вроде бы хорошо. Можно работать без тревоги за младших. Но общеизвестно, что родительский инстинкт, как и родительский талант, обтачивается в трудностях. И потому это передается от старших младшим: родители ждут многого от школы — школа позаботится, школа накормит, школа научит. И дети привыкают брать, брать, брать...

Я понимала, что директора школы волновало потребительство не только то, что материализовалось в брошенных коржиках, гораздо более широкое. И предполагаемый хозрасчет — еще одна попытка активизировать личность.

Школу, педагогический коллектив не может не тревожить и не заботить тот факт, что почти все идеи, все «токи инициативы» пока идут в одном направлении: от взрослых к юным, от колхоза к школе.

Почему не ребята, а Горин предлагает всем односельчанам стать на лыжи? Сделать красивой каждую улицу? Вроде бы не так важно, кто зачинщик, если одна семья, но младшим так важно обрести свой голос, почувствовать радость самоосуществления, отточить свои умения и возможности.

На сегодня уверенно можно сказать: все бессоновские девчонки и мальчишки прекрасно действуют в пределах тех координат, какие задаются им школой и колхозом, взрослыми. «Потребуйте — сделаем, и отлично. Подскажите — мы готовы». Так, наверное, можно охарактеризовать позицию старшеклассников. И это неплохо, и такое можно встретить сегодня далеко не везде.

Но ведь далеко не везде в ребят столько вкладывается, В каждого старшеклассника из Бессоновки сегодня вложено столько, что, кажется, он в ответ должен излучать энергию, кипеть замыслами, отличаться каким-то широко гуманитарным подходом ко всем явлениям жизни. Ведь, создавая школу-комплекс, педагоги стремились создать личность нового типа, способную на самоотверженную инициативу, неожиданную, масштабную.

И, право, немного жаль, что занятия искусством в течение нескольких лет оказались для сельчан уж совсем «не опасными», вопреки предсказаниям литературного критика, — зря, зря он боялся: неуправляемого личного, точнее личностного, взрыва. И управляемого пока не произошло.

Хотя, нет сомнений, что трудовое, эстетическое, художественное воспитание даст в будущем свои плоды, но важно, чтобы человек состоялся как личность вовремя. Чтобы

вовремя включился в поиск, мобилизующий его творческие возможности.

Конечно, занятия в школе искусств отражаются на быте молодых людей, образе жизни, отношению к собственному жилью. Конечно, выпускники школы и старшеклассники полезно, интересно проводят свой досуг. Но это лишь преддверие самых высоких уровней творчества, которое характеризуется особым — активным, заинтересованным отношением к жизни, желанием ее улучшить. До такой хозяйской активности ребята пока не доросли. Деятельное начало в них вяловато подчас и непоследовательно: если у педагогов или колхозных специалистов до чего-то руки не дошли, то и ребята эти неполадки скорее всего не заметят.

А ведь именно в устремленности к поступку социальной значимости, гражданского смысла и должны сходиться все нити воспитания. Только в такой деятельности растущий человек выразит себя в полной мере и состоится как личность.

То, что осознано, уже не так опасно. Изжить потребительство и пассивность — так ставится задача. Возможно, встряхнет ребят грядущая жизнь на хозрасчете — станут думать о школьном бюджете, считать рубли, думать, как их заработать. Но, мне думается, у школы есть и какая-то своя, особая возможность влиять на социальные процессы в селе. Войти в колхоз, стать его производственной единицей — это очень заманчиво и очень полезно, это дает возможность уже в юности, в школьные годы познать механизм современного хозяйствования, практическое действие законов экономики.

Но в это же время важно формировать активную нравственную позицию, учить умению делать близким добро.

На мой взгляд, отцы и матери довольно смело вводят своих детей в реальную проблематику жизни. Мне приходилось говорить со старшеклассниками, на которых лежала ответственность за «старых и малых», за близких своих, нуждающихся в помощи.

Так, Олег Ручко, возглавляя школьную бригаду, хорошо занимаясь, несет еще одну, самую трудную нагрузку: он заботится о младшем братишке, который нездоров. Накормить, напоить, погулять, поиграть — все это входит в круг ежедневных обязанностей мальчика. Что ж, в данном случае можно сказать: он выдержал один из самых важных экзаменов в жизни — экзамен на доброту. А выдержат другие ребята, его одноклассники?

Иногда, наверное, родителям стоит спросить: «А ты бы помог? А твой класс взялся бы?» и в том случае, когда в собственной семье, к счастью, не сложилась экстремальная

ситуация. Именно школьники могли подать пример заботливого отношения к старости — это серьезная социальная миссия, ее берут сегодня на себя некоторые сельские школы. Воспитание самых лучших чувств и одновременно воздействие на всю жизнь села. Впрочем, таких гуманных, одухотворенных дел много — стоит только оглянуться вокруг. Пусть задумаются, какое из них по плечу и ко времени, сами ребята.

Но совершенно уверена в одном: сегодня школа вполне способна влиять на социальное развитие села ярче, сильнее, чем делает это сейчас.

...Демократизация общества — примета нашего времени — не обошла стороной и систему народного образования, советскую школу. Во многих школьных коллективах идет сегодня перестройка всей учебно-воспитательной работы с целью дать больший простор ученическому самоуправлению, инициативе самих ребят, повысить роль комсомольских и пионерских организаций. Воспитывать гражданское, хозяйское начало с детства, воспитывать в конкретных, повседневных делах — так ставится вопрос.

Именно поэтому представители ученических общественных организаций входят в состав педагогического совета, наравне со взрослыми обсуждают острые проблемы и намечают пути их разрешения. Полноправными членами педсовета становятся и самые активные родители. Общие дела, общая за них ответственность...

Как мы убедились, в принципе такое сотрудничество (педагоги — ученики — родители) для Бессоновки этап освоенный. Но некоторая смена акцентов, сделанная самим временем, поможет школе обрести положенное ведущее место в воспитании молодого поколения и профессиональной ориентации школьников. И верится, настанет время, когда скажет председатель Горин: «Нет отбоя. То одно затевают ребята, то другое». Только, мол, помогай. И обязательно поможет...

Будет ли это шефство над ветеранами войны и труда — новый сегодняшний вариант тимуровского движения? Или будничная повседневная помощь детскому саду? А может, возьмутся старшеклассники за бытовую культуру села и наведут образцовый порядок в столовой, магазине и приусадебных участках? Повторяю: дело они выберут сами. Но, хочется надеяться, будет это дело и масштабным, и полезным, а значит, воспитывающим лучше всяких увещеваний и слов.

Стать центром новых акций, новых замыслов, новых идей — таково требование перестройки, предъявленное Бессоновской средней школе как всякой другой школе нашей страны...

Отдача (вместо заключения)

Мне повезло. Не каждому дано увидеть колхоз в развитии, во времени, да еще со стороны, издалека, с того самого расстояния, когда остро замечаются все перемены: все то крупное и значительное, что входит в жизнь.

А только так — в движении — и складываются те самые коллективные духовные и нравственные ценности, которые лучше всяких слов действуют на сознание и душу растущего человека.

Их не увидишь воочию, как, скажем, можно увидеть прекрасный детский сад, школу с музыкальными и танцевальными классами, радужные краски нарядов на сцене во Дворце культуры. Но именно ради создания этих ценностей все существует.

Уезжая из Бессоновки и подводя итоги, я думала именно о них.

Ценность родной земли, родного дома, малой родины. Она из тех изначальных, первичных понятий, которые даны нам с рождения. Но здесь сама действительность укрепляет чувство привязанности к родной земле — Бессоновка хорошеет год от года, и жизнь в ней становится удобнее, лучше, интереснее.

Ценность труда. Того самого, что всегда несет в себе творческое зерно, творческое начало. Именно труд стал основным содержанием жизни каждой семьи. Лучших тружеников чтит и колхоз и школа.

Ценность личности, ценность человека сельского труда. Для него, для того, кто растит хлеб, кормит нас мясом, поит молоком, общество не скупится на самое лучшее, предельным развитием трудовой и гражданской активности каждого, и здесь еще много резервов.

С каждым годом все эти ценности «работают» все успешнее, все нагляднее. Они созданы коллективом тружеников, мимо них невозможно пройти. Но дело растущего человека — принять их или не принять. За ним, за его родителями последнее слово.

— Человек сам строит свою судьбу, — сказал Василий Яковлевич Горин в одной из телевизионных передач, посвященных колхозу имени Фрунзе и его молодому пополнению, — но он всегда учитывает, как строят свою жизнь другие, в чем их удача и неудача.

А дальше председатель рассказал о двух зоотехниках, ровесниках или почти ровесниках.

Один из них, уже известный нам Григорий Семенович Походня, — настоящий ученый, настоящий специалист, человек,

уважаемый в колхозе и за его пределами.

Второй — «искатель счастья». Сначала мыкался в городе на продовольственной базе, после «ошивался при ресторане» и еще в каких-то «теплых» местечках. Словом, разменял человек жизнь на сиюминутные блага, на мелкие удобства.

У первого жизнь вышла цельной, обрела смысл, получила высокую оценку общества. У второго... И сказать нечего.

Все меньше бессоновских ребят уезжает искать «птицу счастья» на стороне, все ближе становится дорога к отчему дому.

Потому что сегодняшних бессоновских школьников воспитывают уже те, кто на собственной судьбе убедился в прочности и надежности созданных трудовым коллективом ценностей.

...Около полутора тысяч писем приходит в правление колхоза ежегодно со всех концов страны с просьбой принять в колхоз. Но преимущество, конечно же, своим — выпускникам бессоновской школы. Укореняются люди, обретают все больший вес духовные ценности — простые и одновременно сложные истины, — передаваемые из поколения в поколение как самое дорогое.

Через них родители сегодня тоже осуществляют свой высокий родительский долг.

Я уезжала из Бессоновки в середине следующего дня. Шел снег. Но и за его завесой видела я плавные линии холмов, силуэты домов — то, к чему успела привыкнуть. Таким тихим кажется в эту пору село. Но я знаю, как обманчива эта внешняя тишина. Стоит Бессоновка на самой стремнине сегодняшних социальных, а значит, и педагогических процессов.

Напоследок вновь бросился в глаза плакат: «Бессоновцы! Любите свое село, гордитесь им!»

«Гордитесь»... К этому тоже ведь надо приучить, этому надо научиться. Нынешней Бессоновке с ее благоденствием, ярким расцветом не так много лет. На своих плечах старшие поколения вынесли сегодняшнее, молодое в новую действительность. Новое вошло в дома, а в душе это новое только проклюнулось.

Но она уже есть, эта гордость. Гордятся ребята колхозом. Селом своим. Школой. И если не сегодняшние, то завтрашние выпускники твердо скажут себе, что лучшего искать нечего. Лучше Бессоновки для них нет.

Инна Яковлевна Кошелева

ЮНОСТЬ БЕССОНОВКИ (Село и школа)

Главный отраслевой редактор *В. П. Аушев*
Редактор *О. Г. Свердлова*
Младший редактор *Л. В. Михейкина*

Художественный редактор *П. Л. Храмцов*
Художник *В. И. Провалов*
Технический редактор *И. Е. Жаворонкова*
Корректор *Н. М. Арсенина*

ИБ № 8525

Сдано в набор 27.03.87. Подписано к печати 27.05.87. А-09981. Формат бумаги 70Х100$^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 3. Гарнитура «Журнально-рубленая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,90. Усл. кр.-отт. 8,12. Уч.-изд. л. 4,65. Тираж 541 578 экз. Заказ 1007. Цена 15 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 879207. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

В 1987 ГОДУ ПО «ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ ФАКУЛЬТЕТУ» ВЫШЛИ БРОШЮРЫ:

Е. Г. Макарова. ЛЕТО НА КРЫШЕ

Т. А. Александрова. РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Е. А. Бугрименко, Г. А. Цукерман. ЧТЕНИЕ БЕЗ ПРИНУЖДЕНИЯ

Е. С. Брускова. УРОК ПОСЛЕ УРОКА

Б. Л. Леонидова. КОГДА ИХ ДВОЕ

В 1987 ГОДУ ВЫХОДЯТ:

С. Н. Спицын. ХРОНИКА СЕМЕЙНОГО ОБЩЕНИЯ

И. Я. Кошелева. ЮНОСТЬ БЕССОНОВКИ

Э. М. Рутман, Н. В. Искольдский. ИСТОКИ РАДОСТИ

В. Р. Хилтунен. СЕМЕЙНЫЕ КЛУБЫ

Ю. П. Власов. ФОРМУЛА МУЖЕСТВА

И. Л. Сталькова. МАТЕРИНСТВО

Р. С. Пояркова. ЧУВСТВО РОДИНЫ

15 коп.

Индекс 70062